

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 4. С. 1232–1282.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 7, no. 4 (2023): 1232–82.

Научная статья

УДК 94(470)''1940''

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-4-3>

EDN SSKTTQ

**«Я имел документ в виде пропуска на немецком языке...»:
случай из жизни советских военнопленных в 1941 г.**

Олег Леонидович Лейбович✉

Пермский государственный институт культуры,
Пермь, Россия,

oleg.leibov@gmail.com✉, <https://orcid.org/0000-0001-5191-939X>

Oleg L. Leybovich✉

Perm State Institute of Culture,
Perm, Russia,

oleg.leibov@gmail.com✉, <https://orcid.org/0000-0001-5191-939X>

Юлия Сергеевна Колчанова

Пермский государственный институт культуры,
Пермь, Россия,

jukolchanova@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-1892-0190>

Yulia S. Kolchanova

Perm State Institute of Culture,
Perm, Russia,

jukolchanova@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-1892-0190>

Аннотация. В статье на основании опубликованных и архивных эго-документов произведена реконструкция историй короткого пребывания в германском плену военфельдшера Т.М. Малыгина и младшего лейтенанта РККА В.С. Ныркина в 1941–1942 гг. Истории эти интересны тем, что в них помимо событийной стороны, связанной с пребыванием в плену командиров Красной армии и их последовавшим побегом, присутствуют и обнаруживаются скрытые ментальные структуры повествования: фатализм, высокий уровень адаптивности к обстоятельствам, сила воли, предприимчивость, способность находить нестандартные решения, неприятие каких бы то ни было видов расового превосходства и приниженности.

© Лейбович О.Л., Колчанова Ю.С., 2023

© Leibovich O., Kolchanova Yu., 2023

Статья состоит из 5 основных разделов и кратких выводов. В первом разделе авторы характеризуют принятую ими объяснительную концепцию в рамках антропологической перспективы исторического знания. Нас интересовали частные случаи, позволяющие увидеть то, что нельзя рассмотреть в универсальной исторической перспективе: характерные черты времени и места, поступки и взаимоотношения людей, рассказанные ими самими. В статье фокусируется внимание на участии обоих главных персонажей в оказании помощи раненым советским военнопленным.

Во втором разделе содержится краткий обзор историографии темы плена и предъявляются методы работы с источниками: протоколами допросов В.С. Ныркина и Т.М. Малыгина в следственных органах НКВД.

Три последующих раздела посвящены акту пленения, пребыванию в плену и бегству из плена.

В выводах формулируются итоги исследования: несмотря на свое привилегированное положение в плену, командиры РККА при первой возможности бежали из лагеря: В.С. Ныркин установил связь с партизанами, а Т.М. Малыгин, воспользовавшись наличными материальными ресурсами, приобрел в обмен на ценные вещи и деньги необходимые для побега услуги местных жителей.

В статье в виде иллюстрации приводятся аутентичные немецкие документы, имеющие касательство к сюжету: «паспорт», написанный от руки немецким военным медиком, и отпечатанный на пишущей машинке аусвайс, за подписью коменданта пересыльного лагеря для военнопленных в г. Смоленске.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, 1941–1942, немецкий плен, советские военнопленные, госпитали для раненых, сбор раненых, снабжение, побег из плена, фильтрация, инженер В.С. Ныркина, военфельдшер Т.М. Малыгин

Для цитирования: Лейбович О.Л., Колчанова Ю.С. «Я имел документ в виде пропуска на немецком языке...»: случай из жизни советских военнопленных в 1941 г. // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 4. С. 1232–1282, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-4-3>

“I Had a Document in the Form of a Pass in German...”: An Incident from the Life of Soviet Prisoners of War in 1941

Abstract. On the basis of published and archival ego-documents, the article reconstructs the stories of military medical assistant Timofei M. Malygin and junior lieutenant of the Red Army Vladimir S. Nyrkin who were held captive by the Germans for a short period of time in 1941–1942. These stories are of interest because in addition to the event-related aspect associated with the captivity of the Red Army commanders and their subsequent escape, there are hidden mental structures of the narrative: fatalism, high level of adaptability to circumstances, willpower, enterprise, ability to find non-standard solutions, and rejection of any kind of racial superiority and humiliation.

The article consists of 5 main sections and brief conclusions. In the first section, the authors characterize the explanatory concept adopted by them within the framework of the anthropological perspective of historical knowledge. We were interested in particular instances that allow us to see what cannot be described in a universal historical perspective: characteristic features of time and place, people’s actions and relationships described by those people. The article focuses on the participation of both main characters in helping the wounded Soviet prisoners of war.

The second section contains a brief historiographical overview of the subject of and presents methods for working with sources, among which are the records of interrogations of Vladimir S. Nyrkin and Timofei M. Malygin in the investigative bodies of the NKVD.

Three subsequent sections reveal the stages of being in captivity: the act of being taken captive, being held in captivity, and escape.

The conclusion summarizes the results of the study. Despite their privileged position, the Red Army commanders fled from the camp at the first opportunity: V. Nyrkin established contact with the partisans, and T. Malygin used available material resources and exchanged valuables and money for the local residents' services necessary for the escape.

Authentic German documents related to the topic are presented in the article in the form of illustrations: a "passport" handwritten by a German military doctor and a typewritten "Ausweis" signed by the commandant of the transit camp for prisoners of war in the city of Smolensk.

Keywords: Great Patriotic War, 1941–1942, German captivity, Soviet prisoners of war, hospitals for the wounded, collecting the wounded, supplies, escape from captivity, filtration, engineer V. Nyrkin, military medical assistant T. Malygin

For citation: Leibovich, O.L, and Yu.S. Kolchanova. "I Had a Document in the Form of a Pass in German...": An Incident from the Life of Soviet Prisoners of War in 1941." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 7, no. 4 (2023): 1232–82, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-4-3>

Замысел статьи: вместо вступления

Ю. К.: Работая над исследовательским проектом «Жизненные миры советских инженеров в 1930–1940-е гг.», я обнаружила в архивно-следственном деле молодого уральского инженера В.С. Ныркина документ, послуживший вещественным доказательством вины в измене Родине (см. рис. 1)¹. Расследование происходило в Явасском лагере, расположенном на территории Мордовской АССР².

¹ Постановление о приобщении вещдоказательства к следственному делу. 16.07.1942 г. // Пермский государственный архив социально-политической истории (далее – ПермГАСПИ). Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13743. Л. 42.

² Явасский лагерь входил в систему специальных лагерей для «бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в плену и окружении противника» в соответствии с постановлением ГКО № 1069сс от 27 декабря 1941 г. (См.: Латышев А.В. Сеть проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР в 1942–1945 гг. // Клио. 2014. № 9 (93). С. 48–52).

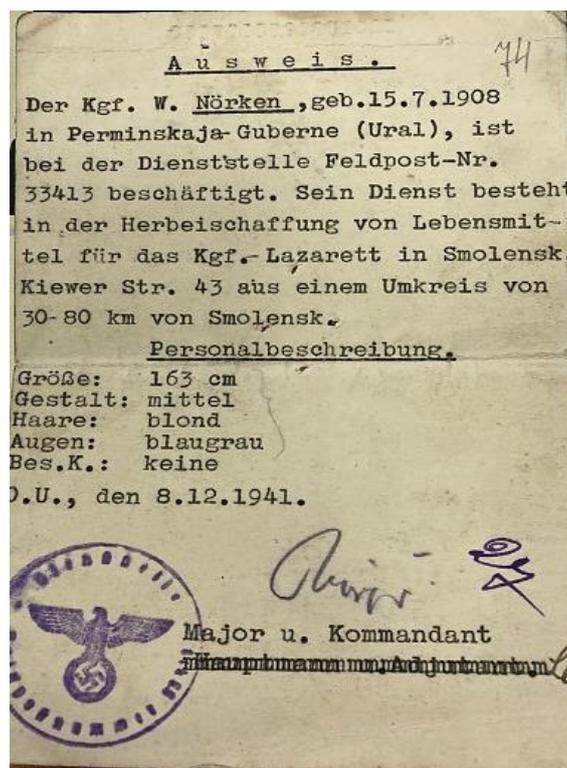

Рис. 1. Удостоверение, выданное В.С. Ныркину немецким комендантом
Источник: ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13743. Л. 74 (конверт)

Документ представляет собой небольшой картонный лист (размером с ладонь) с машинописным текстом на немецком языке и хорошо сохранившимися печатью и чернильной подписью немецкого офицера (полевая почта № 33413). В Особом отделе Явасского лагеря НКВД СССР «удостоверение» перевели на русский язык. Перевод выглядел следующим образом (орфография и пунктуация документа сохранены):

Удостоверение.

Гр-н В. Ныркин, рожд. 15.7.1908 в Пермской губернии (Урал) состоит на службе в полевой почте (пост) № 33413. Его служба состоит в доставке продовольствия для лазарета в Смоленске, Киевское шоссе 43 из местности, расположенной в 30–80 км от Смоленска.

Описание личности: Рост – 163 см.; Фигура средний; Волосы блондин; Глаза серо голубые; Другие приметы нет.

08.12.41 г.

майор комендант подпись³.

Перевод выполнен неточно: переводчик поправил немецкого майора, заново переименовав «Перминскую» область в Пермскую, слово *Gestalt*

³ Перевод удостоверения В.С. Ныркина на русский язык // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13743. Л. 75 (конверт).

(телосложение), в свою очередь, перевел как «фигура». Можно предположить, что переводчик недостаточно владел служебной терминологией III рейха.

По номеру полевой почты, указанному в удостоверении (33413), оказалось возможным определить точное место службы В. Ныркина, а именно, Stalag (Пересыльный лагерь) № 126 для советских военнопленных, размещенный в г. Смоленске⁴. Подпись на документе принадлежит коменданту лагеря.

О. Л.: Двадцать лет тому назад ведущий специалист архива (ныне ПермГАСПИ) Галина Федоровна Станковская нашла и передала мне клочок бумаги, найденный ею в деле сельского фельдшера Т.М. Малыгина, служившего в 1942 г. в Новорождественской больнице Молотовской области вдали от городов и железнодорожных станций. Т. Малыгину было предъявлено обвинение в пораженческой агитации среди пациенток, преимущественно жен красноармейцев. При обыске изъяли измятый и порванный листок из служебного блокнота с нарисованным красным крестом и рукописным текстом под ним (см. рис. 2). Сотрудники Лысьвенского горотдела НКВД почерк разобрать не смогли и, верней всего, по-немецки не читали и передали документ в Молотовское областное управление НКВД. Оттуда поступил грамотный перевод. Пропуск, подписанный военным врачом, гарантировал Тимофею Малыгину неприкосновенность при исполнении полученного приказа: собрать с поля боя советских раненых и доставить в лазарет.

⁴ См.: Feldpost numbers: 33000-33999 // Axis History. URL: <https://www.axishistory.com/books/383-germany-military-other/feldpost/8958-feldpost-numbers-33000-33999> (дата обращения: 02.02.2023).

Рис. 2. Пропуск, выданный Т.М. Малыгину немецким военным врачом
Источник: Лейбович О.Л. и др. Война глазами военнопленных. Красноармейцы в немецком плену в 1941–1945 гг. (по рассекреченным документам советской контрразведки, хранящимся в Государственном общественно-политическом архиве Пермской области): сборник документов. Пермь: Пермское книжное издательство, 2008. Ил. 6

Перевод пропуска имел следующий вид:

ПАСПОРТ. Пропуск.

Я прошу русского врача доктора Малыгина Т.М. с группой русских раненых пропустить без задержек и как можно скорее препроводить в русский лазарет.

Д-р ДУББЕЛЬС.

Ассист. – врач

ф. Д. XI. 02235 А

Перевела: подпись нрзб. Печать на подписи: /Управление НКВД по Молотовской области⁵.

Документ показался нам любопытным, выделяющимся на фоне иных германских приказов и инструкций. Обратил на себя внимание штатский оборот в его начале: «Я прошу...». Посоветовавшись, мы разместили данный паспорт в виде иллюстрации в сборнике «Война глазами красноармейцев...».

⁵ Пропуск, выданный немецким военным врачом военнопленному (военфельдшеру) Т.М. Малыгину для сбора и перевозки советских раненых в лазарет. 28 августа 1941. Подлинник // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14691. Л. 100 (б) (пакет № 1).

Увидев сделанный по всей форме пропуск В.С. Ныркина, я посчитал возможным реконструировать в одной статье две истории, пройдя по следам архивно-следственных дел 1942 г.

Ю. С., О. Л.: Мы должны заранее предупредить, что в статье пойдет речь о людях, не встречавшихся друг с другом, воевавших на разных участках протяженного советско-германского фронта. Тот факт, что их архивно-следственные дела хранятся в одном фонде Пермского государственного архива социально-политической истории, свидетельствует лишь об особенностях современного делопроизводства. Действительно, особые отделы проверочно-фильтрационных лагерей и городские отделы НКВД принадлежали одному ведомству, однако, в 1942 г. взаимодействие между ними еще не было отработано, прежде всего – в части обмена информацией⁶. Их сотрудники решали одни и те же задачи, но в особых условиях и собственными методами. В биографиях В.С. Ныркина и Т.М. Малыгина можно найти общие черты: оба они принадлежали к одному поколению тридцатилетних, получили специальное гражданское образование, носили в петлицах знаки различия среднего состава РККА, ранеными попали в плен, бежали из него...

По замыслу авторов в статье реконструируются малоизученные ситуации в плену с точки зрения непосредственных участников событий, обладавших заметной индивидуальностью, специфичным жизненным опытом, высоким интеллектом. Полагаем, что такой метод позволит нам отказаться от обезличенного подхода в описании исторических ситуаций в пользу антропологической исследовательской перспективы. Представим ее характерные черты. Пункт наблюдения исследователя находится внутри живого опыта непосредственного участника события. Именно поэтому само описание события обязательно включает субъективность автора: его оценки, образы, представления, отложившиеся в памяти подробности, даже не самые важные, на первый взгляд, нюансы. При таком подходе наиболее адекватным источником будут служить эго-документы, сохранившие в том или ином виде, в частности, в протоколах допросов

...непосредственную, аутентичную человеческую речь, даже произнесенную под принуждением... Свидетельствуя о себе, допрашиваемый невольно предъявит скрытые ментальные структуры, те «привычки мышления», которые неотделимы от его индивидуальности: свою манеру располагать себя и других во времени и пространстве, скрытые нормы, применяемые к оценке своего и чужого поведения.

⁶ См.: *Латышев А.В.* Проверочно-фильтрационные лагеря НКВД СССР: кадры, ведомственные интересы и проверка военнослужащих Красной армии (1941–1945) // Вестник Челябинского госуниверситета. История. Вып. 63. 2015. № 6 (361). С. 72–79.

Позволит увидеть сам принцип выделения своих и чужих, смысл родства и дружественности⁷.

Речь идет о так называемой инквизиторской антропологии, предполагающей в процессе следственных практик получение дополнительной, не относящейся прямо к делу, однако, занесенной в протокол информации о жизненном мире лица, уличаемого в государственном преступлении. Для историков повседневности рассеянные по протоколам сведения представляют особый интерес, так как позволяют обнаружить приметы жизненного мира подследственного, его поведенческие привычки, способы восприятия действительности. В индивидуальных высказываниях допрашиваемого проступает освоенный им коллективный опыт, то, что в старых книгах называется духом времени.

Приведем характерный пример. На допросе в особом отделе Явасского проверочно-фильтрационного лагеря В.С. Ныркин с явной обидой упомянул, что немецкая администрация не признавала его офицерского статуса: «Меня знали до поступления в госпиталь, что я младший лейтенант, но немцы считали меня унтер-офицером»⁸. Никакого отношения к теме допроса это высказывание не имело. И статус принадлежности к среднему комсоставу РККА на положение В.С. Ныркина в лагере никак не влиял⁹, но, как выяснилось, для самоопределения самого плененного младшего лейтенанта ранг имел значение – и немалое. Он серьезно относился к своей должности – командира роты и к своему воинскому званию, которые представляли для него неоспоримую ценность.

⁷ Лейбович О.Л., Казанков А.И. «Инквизиторская антропология» как генератор исторических нарративов советской эпохи // Шаги/Steps. 2022. Т. 8, № 3. С. 209.

⁸ Протокол допроса задержанного Ныркина В.С. 15.02.1942 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13743. Л. 17.

⁹ «В указании ОКВ (от нем. Oberkommando der Wehrmacht, нем. ОКВ – Верховное командование вермахта. – Ю. К., О. Л.) от 4 июля 1942 г. говорилось: “К взятым в плен советским офицерам нельзя подходить с мерками, обычными для офицеров из европейских стран. Они лишены какой-либо традиции, статуса, воспитания и образования, едва ли выделяясь из массы рядового состава. Поэтому нет никаких оснований обращаться с ними иначе, а тем более лучше, нежели с самыми низшими чинами армий других стран. Поэтому приказываю установить обязательность привлечения к работам военнопленных советских офицеров, вне зависимости от их звания, вплоть до возраста полных 45 лет”». Отто Р., Келлер Р. Советские военнопленные в системе концлагерей Германии / перевод с немецкого Л.В. Ланника, Н.А. Власова. Москва: Аспект Пресс, 2020. С. 35.

Предложенный выше способ исследования относится к известному со времен К. Гирца так называемому «насыщенному описанию»¹⁰. В соответствии с ним мы избрали темой статьи выживание двух советских военнопленных в немецком плену осенью – зимой 1941/42 гг., а в фокус исследования поместили исполнение ими возложенных германским командованием обязанностей по уходу за ранеными красноармейцами. Детальное рассмотрение этих казусов принципиально не меняет общей картины гитлеровской истребительной политики по отношению к советским пленным, а лишь дополняет ее микросюжетами, трудноразличимыми в макроисторической перспективе.

Историография и источники

В литературе о германских лагерях для военнопленных представлены два направления историографии: институциональное (оно доминирует в немецких исследованиях) и, в меньшей степени, антропологическое. О том, как была устроена лагерная система в нацистской Германии на территории рейха и в оккупированных областях; чем отличались лагеря, подведомственные СС, от лагерей вермахта; кто и как координировал их работу, главным образом по истреблению «нежелательных элементов» из числа военнопленных; какими инструкциями и директивами они пользовались – эти темы во всей их полноте представлены в монографических исследованиях и статьях Райнхарда Отто, Рольфа Келлера, Норберта Мюллера, Михаила Ерина, Михаила Семиряги и др.¹¹ В рецензии на монографию Р. Келлера «Военнопленные в германском рейхе» Лина Карстен еще раз подчеркнула: ситуация в лагерях для советских военнопленных во многом определялась соперничеством различных ведомств III рейха: карательных и хозяйственных. Командование вермахта, в чьем ведении находились эти лагеря, действовало в соответствии с политическими

¹⁰ См.: Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры / перевод с английского Е.М. Лазаревой // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры / составитель С.Я. Левит. Санкт-Петербург: Университетская книга, 1997. С. 171–200.

¹¹ Ветте В. Гитлеровский вермахт: Этапы дискуссии вокруг одной немецкой легенды / перевод с немецкого М. Корчагиной // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 270–274; Ерин М.Е. Советские военнопленные в нацистской Германии 1941–1945 гг. Проблемы исследования. Ярославль: ЯрГУ, 2005; Семиряга М.И. Судьба советских военнопленных // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 19–33; Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941–1944). О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории / перевод с немецкого А.П. Артемова и др. Москва: Воениздат, 1974; Отто Р., Келлер Р. Советские военнопленные в системе концлагерей Германии; Bonwetsch B. Die sowjetischen Kriegsgefangenen zwischen Stalin und Hitler // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1993. № 2. S. 135–142; Keller R. Sowjetische Kriegsgefangene im Deutschen Reich 1941/42. Behandlung und Arbeitseinsatz zwischen Vernichtungspolitik und kriegswirtschaftlichen Erfordernissen. Göttingen: Wallstein Verlag, 2011.

установками сторонников истребительной политики в отношении красноармейцев. Так, массовая смертность в лагерях для советских военнопленных в зимние месяцы 1941–1942 гг. была заранее запрограммирована военными инстанциями Рейха «абсолютно недостаточным снабжением и условиями размещения»¹².

Взаимодействие между СС и вермахтом в деле уничтожения «нежелательных элементов» среди советских военнопленных, несмотря на бюрократические трудности и ведомственные конфликты, было всесторонним и эффективным¹³.

В исторической литературе выявлены и детально изложены структуры и функции карательных органов III рейха, действовавших на территории СССР, в том числе на сборных пунктах и в пересыльных лагерях военнопленных¹⁴. К сожалению, результаты этих исследований в недостаточной мере учитываются в современных отечественных публикациях. В соответствии с устоявшейся традицией, восходящей к середине 1930-х гг., все карательные, охранные, контрразведывательные и разведывательные органы III рейха объединяются под общим названием *гестапо*, хотя государственная политическая полиция нацистской Германии на самом деле не предназначалась для контроля над оккупированными территориями. Вместо нее террором (в том числе так называемой «чисткой лагерей», а на самом деле – уничтожением целых категорий военнопленных) занимались иные нацистские инстанции, включая военно-полицейские структуры вермахта – тайную полевую полицию (ГФП). В ее обязанности входили

¹² Karsten L. Rezension zu: Keller, Rolf: Sowjetische Kriegsgefangene im Deutschen Reich 1941/42. Behandlung und Arbeitseinsatz zwischen Vernichtungspolitik und kriegswirtschaftlichen Erfordernissen. Göttingen 2011 // H-Soz-Kult. 09.02.2012. URL: <http://www.hsozkult.de/publicationreview/id/reb-16585> (дата обращения: 05.03.2023).

¹³ Rotarmisten in deutscher Hand: Dokumente zu Gefangenschaft, Repatriierung und Rehabilitierung sowjetischer Soldaten des Zweiten Weltkrieges / herausgegeben von R. Overmans, A. Hilger, P. Polian. Paderborn; München; Wien; Zürich: Brill Schoningh, 2012; Streim A. Die Behandlung sowjetischer Kriegsgefangener im "Fall Barbarossa". Eine Dokumentation unter Berücksichtigung der Unterlagen deutscher Strafverfolgungsbehörden und der Materialien der Zentralen Stelle der Landesjustizverwaltungen zur Aufklärung von NS-Verbrechen. Heidelberg: Mueller, Juristischer Verlag, 1981.

¹⁴ См.: Жуков Д. Германские оккупационные органы на территории СССР: структура и юрисдикция // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2010. № 2–3. С. 38–44; Gessner K. Geheime Feldpolizei. Zur Funktion und Organisation des geheimpolizeilichen Exekutivorgans der faschistischen Wehrmacht. Berlin: Militärverlag, 1986.

...розыск и допрос военнопленных, и выявление среди них командиров, большевиков и евреев, контроль за почтовой, телеграфной и телефонной связью гражданского населения¹⁵.

В поле зрения историков попали и отдельные лагеря¹⁶. В последние годы появились публикации и о дулаге (*Durchgangslager*) № 126 в Смоленске и госпитале при нем¹⁷. Основным источником для них послужили опросы бывших военнопленных советскими следственными органами в 1943 г., после освобождения Смоленска. Авторы статей исходят из полной аутентичности показаний и справочных материалов, собранных Смоленским НКВД, которые на самом деле не всегда точны. Они не в полной мере учитывают обстоятельства времени и места, не сообщают, в какой ситуации были даны эти показания и составлены справки. Отсутствие критического отношения к источникам позволяет усомниться в научной ценности этих публикаций.

Наряду с институциональным подходом в исследовании германской лагерной системы развивается и антропологическое направление, выдвигающее на первый план субъектную сторону взаимодействия между чинами вермахта и СС, с одной стороны, и пленными красноармейцами, с другой¹⁸. При всем многообразии индивидуальных позиций и ситуаций в отношении советских военнопленных со стороны солдат и офицеров вермахта доминировало расовое высокомерие, соединенное с иными ориентирами национал-социалистического воспитания: культом жестокости, страхом перед

¹⁵ Жуков Д. Германские оккупационные органы на территории СССР: структура и юрисдикция. С. 40.

¹⁶ Ерин М.Е., Хольный Г.Л. Трагедия советских военнопленных (история шталага 326 (VI К) Зенне, 1941–1945 гг.). Ярославль: Ярославский государственный университет, 2000; Янтовский Ш. Лагерь советских военнопленных в Финляндии (1942–1944): сборник воспоминаний и документов. Иерусалим: Маханаим, 1995; *Stelzl-Marx B.* Im Gewahrsam des “Dritten Reiches”: Aspekte der Kriegsgefangenschaft dargestellt am Beispiel des Stalag XVII B Krems-Gneixendorf // *Kriegsgefangenschaft im Zweiten Weltkrieg. Eine vergleichende Perspektive* / herausgegeben von G. Bischof, R. Overmans. Ternitz; Pottschach: Gerhard Höller Verlag, 1999. S. 135–164.

¹⁷ Авраменко С.М. «Русских шадить нечего...». Дулаг 126 Смоленск – Лагерь для советских военнопленных // Военно-исторический журнал. 2021. № 9. С. 36–45; Тарасенкова Т.И. Смоленск: жизнь в оккупации (1941–1943 гг.) // Наука. Общество. Оборона. 2022. Т. 10, № 2 (31). С. 9–9. URL: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obsestvo-oborona/2022-2-31/article-0313/> (дата обращения: 21.02.2023).

¹⁸ Кершоу Р. 1941 год глазами немцев. Березовые кресты вместо железных / перевод с английского А.Л. Уткина. Москва: Яуза, 2021; Штрайт К. «Они нам не товарищи...». Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. / перевод с немецкого И. Дьяконова. Москва: Русская панорама, 2009 и др.

большевизмом, антисемитизмом и отказом от каких бы то ни было правил ведения войны.

Естественно, у разных людей в германской форме эти черты проявлялись по-разному. В некоторых случаях жестокость по отношению к отважным бойцам в красноармейском обмундировании вызывала внутренний протест, заставляла уклониться от совершения военных преступлений или даже препятствовать им. Но в целом офицеры и солдаты вермахта с явным безразличием наблюдали за массовой гибелью военнопленных от голода и холода, бессудных казней, жесточайших наказаний, истребительных акций оперативных подразделений СД и СС в лагерях¹⁹, а при наличии приказа принимали непосредственное участие в акциях по уничтожению безоружных людей.

Накопленное в исторической науке знание о немецком плене позволяет реконструировать общий контекст личных историй В.С. Ныркина и Т.М. Малыгина, о которых далее пойдет речь в нашей статье.

Основными источниками для исследования были выбраны протоколы допросов В.С. Ныркина и Т.М. Малыгина в органах НКВД в 1942 г. Показания Тимофея Малыгина были опубликованы в сборнике «Война глазами военнопленных»²⁰. Нами также использованы свидетельские показания жителей Лысьвенского района, не вошедшие в этот сборник. Они представляют интерес, поскольку содержат в себе некоторые дополнительные детали, которые мы не обнаружили в ответах Т. Малыгина следователю²¹. Протоколы допросов В.С. Ныркина и свидетельские показания находятся на архивном хранении в ПермГАСПИ²².

Мы рассматриваем протоколы допросов В.С. Ныркина и Т.М. Малыгина как особые эго-документы, отличающиеся своим происхождением, поскольку были получены в ходе следствия и под давлением. Следователи стремились найти доказательства измены Родине, а подследственные хотели отвести от

¹⁹ Сразу же после войны нацистский профессор Пфедфер пытался оправдать это безразличие разными привходящими условиями, но отрицать его не смог. См.: *Пфедфер К.Г.* Немцы и другие народы во Второй мировой войне / перевод с немецкого Л.К. Комоловой // *Итоги Второй мировой войны* / под редакцией И.Н. Соболева. Москва: Издательство иностранной литературы, 1957. С. 505.

²⁰ Протоколы допросов Т.М. Малыгина, военфельдшера 112-го стрелкового полка 170-й стрелковой дивизии 51-го корпуса, в Лысьвенском ГО НКВД Молотовской области. 7 января – 31 марта 1942 г. // Лейбович О.Л. и др. *Война глазами военнопленных*. С. 218–228.

²¹ Протоколы допросов свидетелей по делу Т.М. Малыгина. Январь–март 1942 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14691. Л. 54–74.

²² Протоколы допросов Ныркина В.С. Февраль–июль 1942 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13743. Л. 15–32 об.; Протоколы допросов свидетелей по делу В.С. Ныркина. Март 1942 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13743. Л. 33–38.

себя подозрения такого рода и в чем-то лукавили, о чем-то недоговаривали, что-то сочиняли, в каких-то случаях шли на компромисс со следователем. Возможно, что сотрудник НКВД редактировал ответы, вставляя в них готовые клише. Так, в показаниях В.С. Ныркина читаем:

Своими действиями я помогал немецкому командованию осуществить план ведения войны варварским способом путем обеспечения войск и военнопленных за счет ресурсов оккупированной страны²³.

Так люди не говорят, так пишут протокол.

В своих показаниях и Т.М. Малыгин, и В.С. Ныркин предъявляют следствию не столько то, что с ними было на самом деле и что удалось вспомнить, сколько собственную, обеляющую их версию событий. Тем более, что Тимофей Малыгин уже имел соответствующий опыт: в 1937 г. он был под следствием в органах НКВД и даже был осужден по двум пунктам ст. 58 УК РСФСР («Дело прекращено в 1940 г. при пересмотре за недоказанностью состава преступления»²⁴), а потому, знал, с кем имеет дело. В разговорах с односельчанами свои воспоминания он давал в иной редакции.

В. Ныркин. Фото арестанта

Источник: ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13743. Пакет с фотокарточками. Л. 8;
Фрагмент фото. Л. 9 (0134 – Ныркин)

²³ Протокол допроса В.С. Ныркина 03.06.1942 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13743. Л. 30.

²⁴ Лейбович О.Л. и др. Война глазами военнопленных. С. 218.

Кроме эго-документов в состав источников мы включили докладную записку Управления контрразведки СМЕРШ Западного фронта «об организованном госпитале для советских военнопленных в г. Смоленске в период оккупации»²⁵. В ней кратко изложена история этого госпиталя как особой части Дулага № 126, перечислены чины лагерной администрации, выполнявшие командные обязанности в лагере, в том числе, и по медицинской части. В докладной записке указывалось, что

при организации лагеря немецкое командование не обеспечило его ни продуктами питания, ни медикаментами...²⁶

Иными словами, советским военнопленным было приказано заниматься самоснабжением, то есть изыскивать продовольствие у крестьян, чем, собственно, и занимался В.С. Ныркин, согласно предписанию коменданта лагеря.

На основании указанных выше источников мы и произвели реконструкцию личных историй двух командиров РККА в германском плену²⁷.

Пленение

Командир дорожной роты 55-го отдельного моторизованного инженерного батальона 5-го механизированного корпуса РККА В.С. Ныркин был взят в плен раненым 6 августа 1941 г., после того, как его соединение было разгромлено в ходе Смоленского сражения²⁸. Следы от раны («Особые приметы: на правой ноге у колена след пулевого ранения, на правой ягодице

²⁵ Докладная записка Управления контрразведки «СМЕРШ» Западного фронта начальнику Главного управления контрразведки «СМЕРШ» В.С. Абакумову и члену Военного совета Западного фронта Н.А. Булганину об организованном госпитале для советских военнопленных в г. Смоленске в период оккупации. 27 октября 1943 г. // Центральный архив ФСБ России (Копия). Ф. К-72. Оп. 1. Д. 36. Л. 103–114. URL: <https://victims.rusarchives.ru/fsb-27-10-1943-dokladnaya-zapiska-upravleniya-kontrrazvedki-smersh-zapadnogo-fronta> (дата обращения: 07.03.2023).

²⁶ Там же. Л. 104.

²⁷ Изучение следственных и репрессивных практик органов НКВД в отношении Т.М. Малыгина и В.С. Ныркина в исследовательскую задачу не входит.

²⁸ «Решение командира корпуса отправить все тылы частей за Днепр в район Ратчино исполнить не удалось, так как коммуникации и район переправы были заняты противником, к исходу дня завершившим окружение корпуса. Подошли к концу боеприпасы и горючее, заканчивалось продовольствие. <...> Оставшиеся бойцы и командиры выходили из окружения поодиночке и небольшими группами. После выхода из окружения корпус поступил во фронтовой резерв». См.: Дриг Е. Механизированные корпуса РККА в бою: история автобронетанковых войск Красной Армии в 1940–1941 гг. Москва: АСТ: Транзиткнига, 2005. С.75–97.

рубец от осколочного ранения») зафиксированы в анкете арестованного, составленной в Явасском лагере²⁹.

Об обстоятельствах своего пленения В. Ныркин рассказал следующее:

Утром 5 августа нас обстрелял противник из минометов и пулеметов, а когда мы подошли к Днепру, были обстреляны из пулеметов, минометов и автоматов, а затем начали бомбить с самолетов. Получилась паника, и каждый действовал по собственной инициативе. Я вышел с группой моих бойцов на берег Днепра. Здесь я получил пулевое ранение в левую ногу³⁰, и, приказав бойцам следовать дальше, сам остался на месте. 6 августа в 5 часов вечера я был взят в плен. 9 августа меня переправили в г. Смоленск в госпиталь для раненых русских военнопленных, где я находился до 21 января³¹.

На дополнительном допросе он добавил подробности:

нас окружили немцы и открыли пулеметный огонь и из автоматов. Часть товарищей успели от огня скрыться, а меня ранили в правую ногу, и я уйти не мог. Забрался в кусты на берегу реки и там пролежал 2 суток, на 3 сутки меня обнаружили немцы и взяли в плен.

Также Ныркин сообщил, что перед отправкой в госпиталь к автомобилю подошел немецкий офицер

...и, обратившись ко мне на чисто русском языке, спросил: «Вы что командир?», я ответил, что да, небольшой командир, он мне приказал снять знаки различия, что я выполнил³².

Отметим, что младший лейтенант В.С. Ныркин попал в плен в полном обмундировании командира РККА со знаками различия. Можно

²⁹ Анкета арестованного Ныркина В.С. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13743. Л. 7 об.

³⁰ Путаница в показаниях, связанная с тем, в какую ногу (правую или левую) В.С. Ныркин был ранен, вероятнее всего связана с небрежностью следователя, который оформлял протокол допроса и неправильно записал сведения о ранении. В.С. Ныркин, в свою очередь, либо не заметил ошибки, либо не стал спорить.

³¹ Протокол допроса задержанного Ныркина В.С. 15.02.1942 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13743. Л. 15 об.

³² Протокол дополнительного допроса обвиняемого Ныркина В.С. 16.02.1942 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13743. Л. 19 об.

предположить, что он не поддался страху, сохранив достоинство советского офицера³³.

Военфельдшер 112-го стрелкового полка 170-й дивизии 22-й армии Т.М. Малыгин попал в плен под Великими Луками вскоре после того, как «в ходе Невельской оборонительной операции войска 22-й армии потерпели крупное поражение, дивизии понесли значительные потери, а две из них фактически были разгромлены», в том числе и 170-я дивизия³⁴.

Т.М. Малыгин

Источник: ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14691. Л. 8. (0150 – Малыгин)

³³ «Как известно, некоторые командиры и политработники своим поведением на фронте не только не показывают красноармейцам образец смелости, стойкости и любви к Родине, а, наоборот, прячутся в щелях, возятся в канцеляриях, не видят и не наблюдают поля боя, а при первых серьезных трудностях в бою пасуют перед врагом, срывают с себя знаки различия, дезертируют с поля боя. Можно ли терпеть в рядах Красной Армии трусов, дезертирующих к врагу и сдающихся ему в плен, или таких малодушных начальников, которые при первой заминке на фронте срывают с себя знаки различия и дезертируют в тыл? Нет, нельзя! Если дать волю этим трусам и дезертирам, они в короткий срок разложат нашу армию и загубят нашу Родину. Трусов и дезертиров надо уничтожить» (Приказ Ставки Верховного Главного Командования Красной Армии № 270 от 16 августа 1941 г. // Военно-исторический журнал. 1988. № 9. С. 26–28). Из текста приказа следует, что многие командиры и политработники избавлялись от знаков различия, тем самым пытаясь выдать себя за рядовых красноармейцев.

³⁴ *Нуждин О.И.* Боевые действия на советско-германском фронте в районе Невель – Великие Луки в июле 1941 г. // Уральский вестник международных исследований / под редакцией А.В. Степанова и др. Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 2005. Вып. 3. С. 138–148.

На допросе Т. Малыгин так пояснял обстоятельства своего пленения:

Под д. Жуково мы неожиданно попали под перекрестный огонь противника. В это время меня ранило пулей в левую ногу и осколком снаряда ранило в правую ногу. Тогда, когда я не мог двигаться, рядом со мной упал артиллерийский снаряд, и меня засыпало землей, т.е. я был контужен³⁵.

Нашли его в тот же день, 25 августа, местные жители – «старик со старушкой» (их фамилии Т.М. Малыгин так и не назвал, в протоколах сохранилось лишь имя и отчество его спасителя – Василий Степанович), отнесли в избу, промыли раны, переодели. 28 августа в их дом вошел немецкий солдат, увидел на вешалке командирскую шинель, достал оружие и направил его на старика.

По поводу дальнейших событий Малыгин сообщил следующее:

Я увидел это в щель и сказал старику, чтоб он меня показал, [сказал], где я нахожусь. Тогда немецкий солдат подошел ко мне и предложил мне на немецком языке вставать. На это я ему сказал, что я вставать не могу, так как раненый. Он тогда сразу удалился, и через несколько времени он вернулся уже с группой немецких солдат в количестве 4-х человек. Меня немецкие солдаты положили на носилки и вынесли из квартиры, понесли из деревни в поле, где располагался немецкий штаб, который располагался в поле рядом с деревней. Когда солдаты меня принесли в штаб, то там находились немецкие офицеры³⁶.

Из ответов Т.М. Малыгина следователю Лысьвенского горотдела НКВД мы узнаем подробности его допроса немцами: допрос длился не менее трех часов, все это время раненый Малыгин сидел на земляном полу и отвечал на вопросы о своем статусе в РККА (воинском звании, роде войск, партийности и принадлежности к политическим или карательным органам). Если бы выяснилось, что перед ведущими допрос находится переодетый в крестьянскую одежду политработник или особист, то его немедленно бы расстреляли³⁷. Во время допроса Т. Малыгин сообщил, что по званию он

³⁵ Протокол допроса Малыгина Т.М. 07.01.1942 г. // Лейбович О.Л. и др. Война глазами военнопленных. С. 218.

³⁶ Протокол допроса Малыгина Т.М. 07.01.1942 г. // Лейбович О.Л. и др. Война глазами военнопленных. С. 219.

³⁷ В соответствии с приказами и директивами, отправляемыми в войска, офицеры вермахта обязаны были выявлять среди военнопленных нежелательные элементы и

военфельдшер, медицинское образование получил в Архангельском техникуме, а на фронте служил в полевом госпитале. Эти сведения о себе ему пришлось доказывать, отвечая на вопросы лейтенанта медицинской службы вермахта (Assistentzarzt). Можно сказать, что Малыгину устроили импровизированный экзамен на проверку его знаний по медицине при помощи соответствующих учебников:

Из офицеров один принес две книги на немецком языке под названием «Внутренние болезни» и «Фармакология» и, читая книгу, [они] задавали мне вопросы по медицине, связанные с болезнями. Вопросов мне было задано очень много, примерно на допрос ушло не меньше как часа три. И на этом допрос окончился³⁸.

Ответы Малыгина вполне удовлетворили штабных офицеров, вследствие чего его тут же мобилизовали для сбора раненых красноармейцев, выдав пропуск с нарисованным красным крестом (в нем пленный назван доктором), повозку с лошадью и четырех медицинских сестер. Принимая решение о судьбе Тимофея Малыгина, лейтенант медицинской службы вермахта руководствовался директивой ОКВ от 7 июля 1941 года³⁹.

Анализируя источники, мы обнаружили общие условия пленения командиров В.С. Ныркина и Т.М. Малыгина: при выходе из окружения они оба получили ранения, были брошены своими подчиненными и сослуживцами, найдены немцами. Далее события развивались по-разному: В.С. Ныркин был отправлен в госпиталь для военнопленных, а Т.М. Малыгину было приказано собирать раненых красноармейцев на поле боя.

В плену

О своем пребывании в качестве раненого в госпитале при Дулаге № 126 В.С. Ныркин ничего не рассказал следователю особого отдела при Явасском лагере. А о самом госпитале сообщил немного:

«немедленно уничтожать в принципе, отбирать прямо на поле боя». См.: *Отто Р., Келлер Р.* Советские военнопленные в системе концлагерей Германии. С. 131.

³⁸ Протокол допроса Малыгина Т.М. 07.01.1942 г. // *Лейбович О.Л.* и др. Война глазами военнопленных. С. 219.

³⁹ «7 июля руководство сухопутных сил дало указание “оказывать военнопленным первую медицинскую помощь при армиях и дивизиях, как это было во время предыдущих кампаний”. При этом “в первую очередь следовало использовать русский медицинский персонал, а также русские лекарства и перевязочные средства”. Эвакуацию рекомендовалось по возможности осуществлять с помощью следующих порожняком колонн, “автомобили для больных для этого не выделять”, то есть их использование было запрещено. Две недели спустя этот приказ был дополнен и ужесточен». *Штрайт К.* «Они нам не товарищи...» Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. С. 194.

Госпиталь вмещает в себя до 6 тысяч больных и имеет два больших корпуса, с начала его организации обслуживал исключительно раненых красноармейцев, попавших в плен к немцам. С ноября он был прикреплен к 26 лагерю, и сюда стали поступать больные. Больные лежат там прямо на полу, спят на том, что одевают на себя. Дают 200 грамм хлеба и горячая пища 2–3 раза из конского мяса⁴⁰.

Даже судя по этому краткому описанию, лагерный госпиталь был местом гиблым: громадная скученность, отсутствие постельных принадлежностей, голод и холод. Если прибавить к этому жестокость «охранителей порядка» из числа военнопленных (про одного из них даже шептали, что он-де получил железный крест за избиение и истребление раненых бойцов и командиров)⁴¹, отсутствие необходимых перевязочных средств и лекарств, то В.С. Ныркину несказанно повезло: он не скончался от тифа, не умер от заражения крови, вышел 1 сентября 1941 г. из госпиталя живым и отчасти здоровым⁴².

По всей вероятности, он был в Красной армии снисходительным командиром. Во всяком случае, его бывший подчиненный, сержант Федор Яковлев, ставший в госпитале для пленных начальником снабжения, принял В.С. Ныркина на службу во внутреннюю администрацию лагеря в качестве заготовителя продуктов для раненых красноармейцев, получив на то согласие германского коменданта. Из показаний Ныркина: «Командир лагеря для военнопленных мне выдал пропуск с правом свободного хождения»⁴³. Кроме пропуска ему выдали и немецкую шинель без знаков различия и отправили по окрестным деревням агитировать крестьян сдавать продовольствие для нужд раненых. Ему было предписано обращаться за помощью к местной администрации, старостам сел и деревень, чем В.С. Ныркин и занимался вплоть до 21 января 1942 г.:

⁴⁰ Протокол допроса задержанного Ныркина В.С. 15.02.1942 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13743. Л. 16 об.

⁴¹ Авраменко С.М. «Русских щадить нечего...». С. 38.

⁴² «В здании во многих окнах не было стекол, немцы сняли паровое отопление. Разместить в нем можно было не более 1000 человек, но количество больных и раненых в разное время доходило до 4500 человек. Коек, постельных принадлежностей в больнице не было, больных клали на пол в палатах, коридорах, подвальных помещениях. Больничный рацион состоял из 200 г хлеба, смешанного с древесными опилками, супа из зерна ржи, овощных очисток или гнилого картофеля. Из-за антисанитарных условий, не отапливаемых зимой помещений, смертность в больнице достигала 200 человек в сутки. Всего с июля 1941 г. по сентябрь 1943 г. в ней погибло более 25 тыс. человек» (Тарасенкова Т.И. Смоленск: жизнь в оккупации (1941–1943 гг.). С. 9).

⁴³ Протокол дополнительного допроса обвиняемого Ныркина В.С. 16.02.1942 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13743. Л. 19 об.–20.

Приезжая в деревню или село при помощи местного старосты собирал общие собрания граждан по вопросу сбора продуктов для пленных красноармейцев и командиров. Почти на всех собраниях я выступал от имени пленных красноармейцев и командиров, находившихся в немецком госпитале, и требовал от граждан, чтобы они добровольно сдавали свои излишки продуктов питания⁴⁴.

Боец партизанского отряда К.Т. Азаров вспомнил, что

в феврале 42 г. в д. Плотки приезжал один представитель германского командования, который проводил собрания граждан по вопросу сбора продуктов. Фамилию, имя, отчество я не знаю, хорошо говорит по-русски, выше среднего роста, черты лица круглые, блондин. Одет в немецкой шинели, без знаков различия, в шапке, в теплых валенках⁴⁵.

В деревню Плотки В.С. Ныркин, по его словам, пришел 8 февраля 1942 г., услышав, что в ней собирают всех военнообязанных для направления на формировочный пункт через фронт. «Узнав это, я направился в Плотки, где у ребятешек спросил, где собираются мобилизованные»⁴⁶. В госпиталь В.С. Ныркин больше не вернулся. Так закончилась его служба в немецком госпитале для военнопленных.

Тимофей Малыгин пробыл в плену у немцев несколько дней⁴⁷. После допроса, в ходе которого было установлено наличие у пленного медицинского опыта, его на два часа оставили в помещении штаба. Дальше, со слов самого Малыгина, события развивались следующим образом:

...приехала подвода с немецким солдатом. Последний, войдя в штаб, с солдатом, который меня охранял, положили [меня] в телегу и повезли в д. Липец Великолукского района, которая находилась от немецкого штаба в полутора километрах. <...> По прибытии в д. Липец ко мне сразу же подошел немецкий офицер с переводчиком. Последний мне передал, что я остаюсь здесь в распоряжении одного из немецких врачей, который

⁴⁴ Протокол допроса обвиняемого Ныркина В.С. 24.03.1942 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13743. Л. 23.

⁴⁵ Протокол допроса свидетеля Азарова К.Т. 23.03.1942 г. // ПермГАСПИ. Ф.641/1. Оп. 1. Д. 13743. Л. 36.

⁴⁶ Протокол допроса обвиняемого Ныркина В.С. 19.06.1942 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13743. Л. 31.

⁴⁷ Протокол допроса свидетеля Лихачевой Л.К. 25.03.1942 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14691. Л. 57 об.

пришел несколько позднее, и мне сказали, что я остаюсь здесь в деревне перевязывать раненых русских солдат⁴⁸.

Собственно уходом за ранеными занимались медицинские сестры, а военфельдшер Малыгин давал им указания, кому, как и в каком порядке накладывать перевязочные бинты. Делал он это, лежа в повозке, показывая, что по ранению ни стоять, ни передвигаться не мог. На повозке был укреплен флажок германского красного креста, а Т.М. Малыгину выдали соответствующую нарукавную повязку.

В ходе допроса в Лысьвенском горотделе НКВД Малыгин сообщил:

Перевязки мы продолжали делать в течение двух дней, т.е. 28 и 29/VIII-41 г. Когда всем раненым была оказана первая помощь, мы свою работу прекратили. И 30/VIII-41 г. утром пришел немецкий офицер с переводчиком и приказал через переводчика развозить раненых по квартирам местных жителей деревни Липец, Михальки и других ввиду того, что раненых нечем кормить, и необходимо развезти [их] по частным квартирам, чтобы местные жители обеспечивали [их] питанием. Нам дали четырех лошадей с бричками и сказали, чтобы мы обязали местных жителей помогать развезти раненых. Так мы расквартировали всех раненых по квартирам⁴⁹.

В числе помогавших ему местных жителей был и старик, у которого он ранее прятался. К нему в дом пленный и вернулся. На этом служба Т.М. Малыгина в германском красном кресте закончилась, а лошадь, бричка с флажком и нарукавная повязка остались при нем. О пребывании в плену он рассказывал позднее своим односельчанам, говорил, что немцы его уважали, хорошо кормили: «давали бутерброды с голландским сыром, поили кофеом, давали на обед мясной суп и мясо...»⁵⁰. Малыгин утверждал, что его паек был настолько велик, что пленный имел возможность подкармливать медицинских сестер: «суп он сам не кушал, а его отдавал сестрам, которых немцы совершенно ничем не кормили и держали голодом»⁵¹. Тем не менее, оставаться в плену Т.М. Малыгин не захотел, воспользовавшись случаем,

⁴⁸ Протокол допроса Малыгина Т.М. 07.01.1942 г. // Лейбович О.Л. и др. Война глазами военнопленных. С. 220.

⁴⁹ Протокол допроса Малыгина Т.М. 07.01.1942 г. // Лейбович О.Л. и др. Война глазами военнопленных. С. 221.

⁵⁰ Протокол допроса свидетеля Иутиной Е.В. 26.03.1942 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14691. Л. 65.

⁵¹ Протокол допроса свидетеля Малыгиной Е.И. 20.01.1942 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14691. Л. 56.

уговорил Василия Степановича, чтобы тот вывез его через линию фронта, переправив через озеро Ильмень на восточный берег, занятый частями Красной армии.

Из плена

В.С. Ныркина переправили через линию фронта партизаны, заподозрившие его в шпионаже, чему способствовали немецкая шинель, круглое лицо, официальная бумага от коменданта, выступления перед крестьянами в присутствии старост, неудавшаяся попытка освободить из госпиталя для военнопленных парашютиста – рекордсмена мира, орденосца, капитана ВВС В.Д. Козулю⁵².

На вопрос следователя НКВД, была ли возможность «вывести Козулю из госпиталя», В.С. Ныркин ответил:

Да, такая возможность имелась, вывезти его из госпиталя можно было очень легко. Осуществить это можно было таким образом: собираемые мной продукты привозились в госпиталь на крестьянских подводах, и вот под видом возчика его можно было устроить на одну из подвод, и из лагеря он мог выехать свободно, так как немцы, охранявшие госпиталь, возчиков не проверяли. <...> Идею вывезти Козулю из госпиталя подали партизаны, которые назначили мне встречу на 4 февраля в д. Манино. Когда я приехал в д. Манино, чтобы встретиться с партизанами, то их в деревне не нашел. После этого я в госпиталь не возвратился и с партизанами из другого отряда выехал в распоряжение частей Красной армии⁵³.

Упомянутые партизаны не доверяли заготовителю германского госпиталя, а сам младший лейтенант РККА явно был низкого мнения об их

⁵² Виктор Дмитриевич Козуля (1905–1961), капитан ВВС РККА, в 1935 г. установил мировой рекорд, прыгнув с самолёта без кислородного прибора с высоты 8 200 м. С 1938 года – летчик-испытатель 1-го отделения 4-го отдела НИИ ВВС. Выполнил более 6 000 различных прыжков с парашютом. С 5 августа 1941 г. командир отряда МиГ-3 и ЛаГГ-3 38-й разведывательной авиационной эскадрильи. 18 августа 1941 г. вылетел на МиГ-3 с аэродрома Новое Село на аэрофоторазведку вражеских железнодорожных перевозок в районе Архиповка – Красный Бор – Смоленск. В районе Духовщины был сбит и 20 августа возле Ярцево попал в плен. См.: Козуля Виктор Дмитриевич // Испытатели. URL: <https://testpilot.ru/base/2020/09/kozulya-v-d/> (дата обращения: 08.03.2023); также см.: Козуля В.Д. За бортом самолета: рассказы парашютиста-орденосца. Москва; Ленинград: Детиздат ЦК ВЛКСМ, 1937. 88 с.

⁵³ Протокол допроса обвиняемого Ныркина В.С. 16.07.1942 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13743. Л. 32–32 об.

дисциплинированности и ответственности. Но сила была за партизанами, и они его доставили под конвоем в особый отдел.

Т.М. Малыгин для побега воспользовался благоприятным случаем. «Паспорт» гарантировал ему свободный проезд по германскому тылу, флажок ограждал от опасного любопытства солдат вермахта. Нужно было только уговорить хозяина дома быть проводником и возчиком. Мы не знаем, о чем они говорили, известен только результат. Военфельдшер оставил хозяину в счет оплаты услуги две пары белья, две пары полотенец, военную гимнастерку и брюки, шинель и немецкий фотоаппарат⁵⁴.

Двигаться к фронту пришлось с остановками, нанимая провожатых за плату, от повозки с флажком отказаться, договариваться с местными колхозниками, чтобы они «продали нижнее белье, брюки, рубаху, пиджак из маломальского сукна и кепку»⁵⁵. Малыгин сообщил, что некий председатель колхоза написал ему «справку о том, что я являюсь ихним колхозником»⁵⁶. В конце концов, Тимофей Малыгин добрался до деревни Ямон на берегу озера Ильмень. В ней добрые люди нашли ему перевозчика – молодого парня. Тот согласился в обмен за часы перевезти его на лодке на советский берег. Далее Малыгин вспоминал:

Около 4 часов ночи мы приехали на устье реки Мсты, где нас задержала советская разведка, после чего нас отвели вместе с парнем в штаб нашей части, но я не знаю, какая часть. После нас с ним уже не допрашивали вместе: меня, как красноармейца, допрашивали в особом отделе части, а его я не видал⁵⁷.

Из рассказов бежавших военнопленных видно, что ни в сентябре 1941 г., ни в феврале 1942 г. сплошная линия фронта еще не установилась. Под Смоленском партизанское командование проводило мобилизацию мужчин в РККА, отправляло новобранцев на советскую сторону. В сентябре жители приозерных новгородских деревень занимались опасным промыслом: за мзду перевозили на лодках тех, кто не желал оставаться в оккупации.

⁵⁴ Протокол допроса Малыгина Т.М. 07–08.01.1942 г. // Лейбович О.Л. и др. Война глазами военнопленных. С. 222.

⁵⁵ Протокол допроса Малыгина Т.М. 07–08.01.1942 г. // Лейбович О.Л. и др. Война глазами военнопленных. С. 229.

⁵⁶ Протокол допроса Малыгина Т.М. 07–08.01.1942 г. // Лейбович О.Л. и др. Война глазами военнопленных. С. 229.

⁵⁷ Протокол допроса Малыгина Т.М. 07–08.01.1942 г. // Лейбович О.Л. и др. Война глазами военнопленных. С. 224–225.

Бегство даже для расконвоированных военнопленных было делом рискованным, требовавшим предприимчивости, дерзости и больших волевых усилий. Опасность подстерегала и со стороны немцев, и со стороны русских служащих вспомогательной полиции. Даже встреча с партизанами отнюдь не гарантировала безопасность.

Т.М. Малыгин, бывший не в состоянии самостоятельно передвигаться, решился при побеге из плена положиться на помощь крестьян, оплачивая советскими рублями и ценными вещами каждую услугу. В.С. Ныркин отважился бежать, когда оправился от ран и установил, как ему казалось, взаимовыгодные связи с партизанами. Можно предположить, что мотивом для него послужил голод в лагере для военнопленных, – голод, от которого в Дулаге № 126 ежедневно умирали десятки, если не сотни людей. Заметим, что о нем В.С. Ныркин на советском следствии ни словом не обмолвился: не хотел выглядеть шкурником.

Подведем итоги

Обнаруженные нами в архивно-следственных делах жизненные истории двух красных командиров позволили увидеть ситуацию германского плена их глазами. Особенно интересной оказалась именно субъективность взглядов наших героев. В.С. Ныркину и Т.М. Малыгину, благодаря удачному стечению обстоятельств и собственной предприимчивости, удалось избежать худшего. Среди солдат вермахта, обнаруживших их, не оказалось нацистских фанатиков или просто озверевших от боев и походов новобранцев. Их не закололи штыком, не размозжили голову прикладом, не пристрелили второпях и не бросили умирать. Волею судеб одному германскому госпиталю срочно потребовались русские медицинские работники, а в другом – должностным лицом оказался один из сослуживцев пленного командира. В.С. Ныркин на недолгое время стал сотрудником внутренней администрации Дулага № 126, оказавшись в привилегированном положении, а Т.М. Малыгин, будучи пленным, вообще проживал на частной квартире. Тем не менее, они не намеревались оставаться в германском плену. В какой-то степени оба они поначалу проявили если не равнодушие, то некую отстраненность от того факта, что были покинуты товарищами по оружию на поле боя и пленены. Но принять униженное положение «унтерменша» (недочеловека) в германском плену или даже в оккупационной зоне не смогли – вернулись на советскую сторону (даже зная или догадываясь о возможных последствиях).

На основе материалов следственных дел мы реконструировали личные истории двух командиров РККА, переживших немецкий плен в 1941 году. В этих сюжетах обнаруживается достаточное количество деталей,

подтверждающих известные исторической науке факты о деятельности лагерей для военнопленных. Результатом нашего исследования является не только верификация большого исторического нарратива, но и получение дополнительных данных о субъективном восприятии лагерных реалий людьми, принадлежавшими к первому советскому поколению. Новое знание было извлечено из источников благодаря эвристическим возможностям «инквизиторской» антропологии: ее расфокусированной оптике и пристальному интересу к деталям.

The idea of the article: in lieu of an introduction

Yu. K.: While working on the research project "Life-Worlds of Soviet Engineers in the 1930s–1940s," in the archival investigatory records on Vladimir Nyrkin, a young Ural engineer, I discovered a document, which served as material evidence of guilt of betraying the Motherland (see Fig. 1).¹ The investigation took place in the Yavas camp, located on the territory of the Mordovian ASSR.²

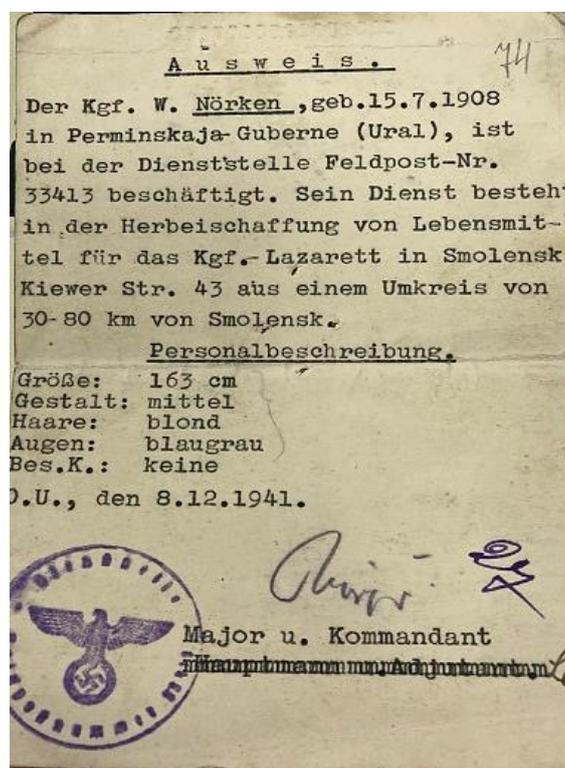

Fig. 1. Certificate issued to Vladimir S. Nyrkin by a German commandant
Source: F. 641/1, op. 1, d. 13743, l. 74 (konvert [envelope]). PermGASPI

The document is a small cardboard sheet (the size of a palm) with a typewritten text in German, a well-preserved stamp, and a German officer's signature in ink (field post no. 33413). The certificate was translated into Russian in the Special Department of the Yavas camp of the NKVD of the USSR. The translation looked like this (spelling and punctuation of the original are preserved):

¹ "Postanovlenie o priobshchenii veshchdokazatel'stva k sledstvennomu delu. 16.07.1942 g." [Resolution on the inclusion of evidence in the investigative case. July 16, 1942]. F. 641/1, op. 1, d. 13743, l. 42. Permskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [Perm State Archive of Socio-Political History] (PermGASPI), Perm, Russia.

² The Yavas camp was part of the system of special camps for "the former Red Army military personnel who were held captive and surrounded by the enemy" in accordance with State Defense Committee's Resolution no. 1069ss of December 27, 1941. (See A.V. Latyshev, "The Network of Checkout and Filtration Camps of the NKVD of the USSR in 1942–1945" [in Russian], *Klio*, no. 9 (93) (2014): 48–52.)

Udostoverenie.

Gr-n V. Nyrkin, rozhd. 15.7.1908 v Permskoi gubernii (Ural) sostoit na sluzhbe v polevoi pochte (post) № 33413. Ego sluzhba sostoit v dostavke prodovol'stviya dlya lazareta v Smolenske, Kievskoe shosse 43 iz mestnosti, raspolozhennoi v 30-80 km ot Smolenska.

Opisanie lichnosti: Rost – 163 sm.; Figura srednii; Volosy blondin; Glaza sero golubye; Drugie primety net.

08.12.41 g.

maior komendant podpis'.

[Certificate.

Citizen V. Nyrkin, born July 15, 1908 in Perm Governorate (Urals) is in the service of the field post office (post) no. 33413. His service is to deliver food supplies to the infirmary in Smolensk, 43 Kievskoe shosse, from the area located 30–80 km from Smolensk.

Description of personality: Height 163 cm; Medium build; Blond hair; Grey-blue eyes; Other distinct features no.

December 8, 1941

major commandant signature.]³

The translation is not quite accurate: the translator corrected the German major by renaming the “Permskaya” region into Perm Governorate, and the word *Gestalt* (build), in its turn, was translated as “figure.” It can be assumed that the translator did not have enough knowledge of the service terminology of the Third Reich.

The field post number indicated in the certificate (33413) made it possible to determine the exact location of V. Nyrkin’s service, namely, Stalag (Transit Camp) no. 126 for Soviet prisoners of war, situated in the city of Smolensk.⁴ The signature on the document belongs to the camp commandant.

O. L.: Twenty years ago, the leading specialist of the archive (now PermGASPI) Galina F. Stankovskaya handed me a piece of paper she had found in the file of the rural medical assistant Timofei M. Malygin. In 1942, he served at the Novorozhdestvenskaya hospital in Molotov Oblast, far from cities and railway stations. T. Malygin was charged with defeatist agitation among female patients, mostly wives of the Red Army servicemen. A crumpled and torn piece of paper from an official notepad with a drawn red cross and handwritten text underneath (see Fig. 2) was found and confiscated during the search, Employees of the Lysvensky city

³ “Perevod udostovereniya V.S. Nyrkina na russkii yazyk” [Translation of Vladimir Nyrkin’s certificate into Russian]. F. 641/1, op. 1, d. 13743, l. 75 (convert [envelope]). PermGASPI.

⁴ See “Feldpost numbers: 33000–33999,” Axis History, accessed February 02, 2023, <https://www.axishistory.com/books/383-germany-military-other/feldpost/8958-feldpost-numbers-33000-33999>.

department of the NKVD could not understand the handwriting and, most likely, did not read German, so they handed over the document to the Molotov Oblast NKVD department. A competent translation came from there. The pass, signed by a military doctor, guaranteed Timofei Malygin immunity in the execution of the order received: to collect the Soviet wounded from the battlefield and deliver them to the infirmary.

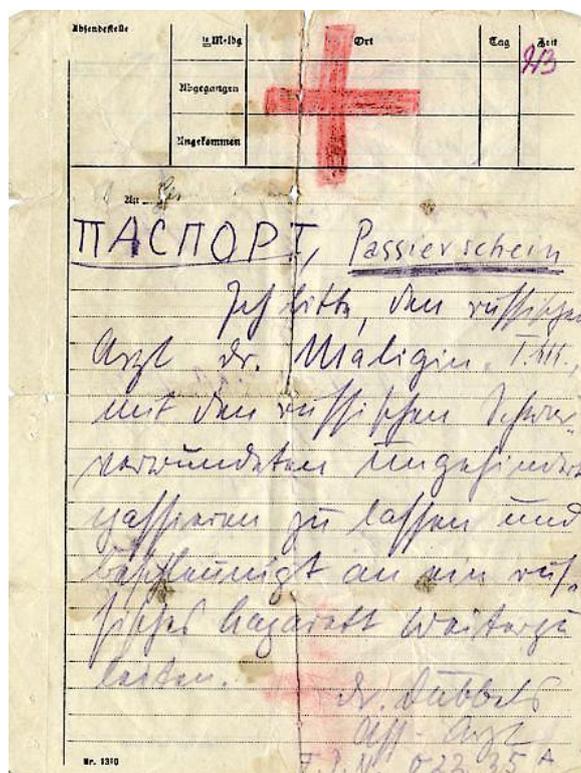

Fig. 2. Pass issued to Timofei M. Malygin by a German military doctor

Source: O.L. Leibovich et al., *Voina glazami voennoplennykh. Krasnoarmeitsy v nemetskom plenu v 1941–1945 gg. (po rassekrechennym dokumentam sovetskoj kontrrazvedki, khranyashchimsya v Gosudarstvennom obshchestvenno-politicheskom arkhive Permskoi oblasti): sbornik dokumentov* [War through the eyes of prisoners of war. Red Army soldiers in German captivity in 1941–1945 (based on declassified documents of the Soviet counterintelligence stored in the State Socio-Political Archive of the Perm Region): a collection of documents]. Perm: Permskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2008. (In Russian) Fig. 6

The translation of the pass looked as follows:

PASPORT. Propusk.

Ya proshu russkogo vracha doktora Malygina T.M. s gruppoi russkikh ranenyykh propustit' bez zaderzhek i kak možhno skoree preprovodit' v russkii lazaret.

D-r DUBBEL'S.

Assist. – vrach

f. D. XI. 02235 A

Perevela: podpis' nrzb. Pechat' na podpisi: /Upravlenie NKVD po Molotovskoi oblasti

[PASSPORT. Pass.

I hereby request to let Russian doctor T.M. Malygin pass through with a group of Russian wounded without delay and to escort them to the Russian infirmary as soon as possible.

Dr. DUBBELS.

Assist. – doctor

f. D. XI. 02235 A

Translated by: signature illegible. Stamp on the signature: / *NKVD Directorate for Molotov Oblast.*⁵

The document seemed to us curious, standing out against the background of other German orders and instructions. The civilian phrase “I hereby request...” at the beginning drew attention to itself. After some conferring, we placed the passport as an illustration in the collection *War through the Eyes of Prisoners of War. Red Army Soldiers in German Captivity in 1941–1945*.

Seeing the pass made for Vladimir Nyrkin properly, I considered it possible to reconstruct two stories in one article, retracing the steps of the 1942 archival investigative case files.

Yu. K., O. L.: We must warn our readers in advance that the article will deal with the people who never met each other and fought at different sectors of the long Soviet–German front. The fact that their archival investigative files are deposited in the same fonds of the Perm State Archive of Socio-Political History only testifies to the peculiarities of the contemporary record management. Indeed, the special departments of the screening and filtration camps and the city departments of the NKVD belonged to the same agency. However, in 1942, the interaction between them had not yet been worked out, primarily in terms of information exchange.⁶ Their employees solved the same problems, but under special conditions and by their own ways. Common features can be found in the biographies of Vladimir Nyrkin and Timofei Malygin: both belonged to the same generation of thirty-year-olds, obtained special civic education, wore the tabs of middle-rank commanders of the Red Army, were wounded and taken captive, escaped captivity...

According to the authors’ intention, the article reconstructs little-studied situations in captivity from the point of view of the immediate participants in the events, who

⁵ “Propusk, vydannyi nemetskim voennym vrachom voennoplennomu (voenfel'dsheru) T.M. Malyginu dlya sbora i perezovzki sovetskikh ranenykh v lazaret. 28 avgusta 1941. Podlinnik” [Pass issued by a German military doctor to prisoner of war (military medical assistant) T.M. Malygin to lift and transport the Soviet wounded to the infirmary. August 28, 1941. The original]. F. 641/1, op. 1, d. 14691, l. 100 (b) (paket № 1). PermGASPI.

⁶ See A.V. Latyshev, “The Soviet NKVD Screening and Filtration Camps: Personnel, Departmental Conflicts and Checkup of Red Army Soldiers (1941–1945)” [in Russian], *Vestnik Chelyabinskogo gosuniversiteta. Istoriya*, iss. 63, no. 6 (361) (2015): 72–79.

had a noticeable individuality, specific life experience, and high intelligence. We believe that this approach will enable us to abandon the impersonal view in describing historical situations in favor of an anthropological research perspective. Let us present its characteristic features. The researcher's point of observation is within the live experience of the immediate participant in the event. That is why the description of the event necessarily includes the author's subjectivity: his assessments, images, ideas, details kept in the memory, and nuances, even those that do not seem of great importance at first glance. For such an approach, ego-documents that have been preserved in one form or another, in the records of interrogations in particular, will be the most adequate sources.

... direct, authentic human speech, even uttered under pressure. . . Testifying about themselves, the person interrogated involuntarily presents hidden mental structures, the "habits of thinking" that are inseparable from their individuality: their manner of positioning themselves and others in time and space, hidden norms applied to the assessment of their own and others' behavior. It will allow you to see the principle of distinguishing between friends and foes, the meaning of kinship and friendliness.⁷

We are talking about the so-called inquisitorial anthropology, which involves obtaining additional information about the life-world of a person convicted of a state crime that is not directly related to the case but is added to the records in the process of investigative practices. For historians of everyday life, the information scattered through the records is of particular interest, as it makes it possible to detect signs of the life-world of the person under investigation, his behavioral habits, and ways of perceiving reality. In the individual utterances of the person under investigation, the acquired collective experience (which is referred to as the spirit of the times in the old books) becomes "visible."

Let us take a typical example. During interrogation in the special department of the Yavas screening and filtration camp, V. Nyrkin mentioned with obvious resentment that the German administration did not recognize his officer status: "I was known before entering the hospital as a junior lieutenant, but the Germans considered me a non-commissioned officer."⁸ This statement had nothing to do with the topic of the interrogation. And the status of belonging to the middle-rank command staff of the Red Army did not influence Nyrkin's position in the camp in any way,⁹ but, as it

⁷ O.L. Leibovich, and A.I. Kazankov, "'Inquisitorial Anthropology' as a Generator of Historical Narratives of the Soviet Era" [in Russian], *Shagi/Steps*, vol. 8, no. 3 (2022): 209.

⁸ "Protokol doprosa zaderzhannogo Nyrkina V.S. 15.02.1942 g." [Record of interrogation of detainee Vladimir Nyrkin. February 15, 1942]. F. 641/1, op. 1, d. 13743, l. 17. PermGASPI.

⁹ "The instruction of the OKW [from German *Oberkommando der Wehrmacht*, OKW – Wehrmacht High Command. – Yu. K., O. L.] as of July 4, 1942 stated: 'Captured Soviet officers

turned out, rank mattered for the junior lieutenant's self-determination, and it mattered much. He took very seriously his position as a company commander and his military rank, which were of indisputable value to him.

The research method proposed above refers to the so-called thick description known since the time of C. Geertz.¹⁰ In accordance with it, we chose the survival of two Soviet prisoners of war in German captivity in the autumn and winter of 1941/42 as the subject of the article. We placed fulfillment of the duties of taking care of the wounded Red Army soldiers assigned to them by the German command in the focus of the study. A detailed examination of these cases does not fundamentally change the general picture of Hitler's extermination policy towards Soviet prisoners but only supplements it with micro-narratives that are difficult to discern in a macro-historical perspective.

Historiography and sources

The literature on German prisoner-of-war camps presents two trends of historiography: institutional (it dominates in German studies) and, to a lesser extent, anthropological. How Nazi Germany's camp system was organized in the territory of the Reich and in the occupied areas, how the camps under the jurisdiction of the SS differed from the camps of the Wehrmacht, who and how coordinated their work, mainly on the extermination of "undesirable elements" from among the prisoners of war, what instructions and directives they used, – these topics are considered in detail in the monographs and articles by Reinhard Otto, Rolf Keller, Norbert Müller, Mikhail Erin, Mikhail Semiryaga and others.¹¹ In her review of Rolf Keller's

cannot be approached with measurements, common for the officers from European countries. They are deprived of any tradition, status, upbringing and education, hardly standing out from the mass of the rank and file. Therefore, there is no reason to treat them in some other way, not to say any better, than with the lowest ranks of the armies of other countries. Therefore, I order to establish the obligation to involve Soviet officers in the prisoners of war's work, regardless of their rank, up to the age of full 45 years." R. Otto, and R. Keller, *Soviet Prisoners of war in the German Concentration Camp System* [in Russian], trans. L.V. Lannik, and N.A. Vlasov (Moscow: Aspekt Press, 2020), 35.

¹⁰ See C. Geertz, "Thick Description: Toward an Interpretive Theory of Culture 1973," in C. Geertz, *The interpretation of culture: selected essays* (New York: Basic Books, 1973), 3–30.

¹¹ W. Wette, "Hitler's Wehrmacht: Stages of the Debate on a German Legend" [in Russian], trans. M. Korchagina, *Neprikosnovennyi zapas*, no. 2–3 (40–41) (2005): 270–74; M.E. Erin, *Soviet Prisoners of War in Nazi Germany in 1941–1945. Research Problems* [in Russian] (Yaroslavl: YarGU, 2005); M.I. Semiryaga, "The Fate of Soviet Prisoners of War" [in Russian], *Voprosy istorii*, no. 4 (1995): 19–33; N. Müller, *Wehrmacht and Occupation (1941–1944). On the Role of the Wehrmacht and Its Governing Organs in the Implementation of Occupation Regime in the Soviet Territory* [in Russian], trans. A.P. Artemov et al. (Moscow: Voenizdat, 1974); Otto, and Keller, *Soviet Prisoners of War in the German Concentration Camp System*; B. Bonwetsch, "Die sowjetischen Kriegsgefangenen zwischen Stalin und Hitler," *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, no. 2 (1993): 135–42; R. Keller, *Sowjetische Kriegsgefangene im Deutschen Reich 1941/42*.

monograph *Sowjetische Kriegsgefangene im Deutschen Reich 1941/42* [Soviet prisoners of war in the German Reich], Lina Karsten once again emphasized that the situation in the camps for Soviet prisoners of war was largely determined by the rivalry between punitive and economic departments of the Third Reich. The command of the Wehrmacht, in whose jurisdiction these camps were, acted in accordance with the political guidelines of the supporters of the extermination policy against the Red Army soldiers. Thus, mass mortality in the camps for Soviet prisoners of war in the winter months of 1941–42 was pre-programmed by the military authorities of the Reich because of “absolutely insufficient supplies and accommodation conditions.”¹²

Despite bureaucratic difficulties and departmental conflicts, the interaction between the SS and the Wehrmacht in the destruction of “undesirable elements” among Soviet prisoners of war was comprehensive and effective.¹³

The structures and functions of the punitive bodies of the Third Reich that operated in the territory of the USSR, including those at assembly points and in prisoner-of-war transit camps, have been identified and described in detail in the historical literature.¹⁴ Unfortunately, the results of these studies are not fully taken into account by modern domestic publications. In accordance with a well-established tradition dating back to the mid-1930s, all punitive, security counterintelligence, and intelligence bodies of the Third Reich are united under the common name of the Gestapo, although the political police of Nazi Germany was not really intended for controlling the occupied territories. Instead of the Gestapo, other Nazi authorities, including the Wehrmacht’s military police structures, among which was the Geheime Feldpolizei (Secret Field Police) (GFP), waged terror (including the so-called

Behandlung und Arbeitseinsatz zwischen Vernichtungspolitik und kriegswirtschaftlichen Erfordernissen (Göttingen: Wallstein Verlag, 2011).

¹² L. Karsten, Rezension zu: Keller, Rolf: *Sowjetische Kriegsgefangene im Deutschen Reich 1941/42. Behandlung und Arbeitseinsatz zwischen Vernichtungspolitik und kriegswirtschaftlichen Erfordernissen*, Göttingen 2011, *H-Soz-Kult*, February 9, 2012, accessed March 5, 2023, <http://www.hsozkult.de/publicationreview/id/reb-16585>

¹³ R. Overmans, A. Hilger, und P. Polian, hrsg., *Rotarmisten in deutscher Hand: Dokumente zu Gefangenschaft, Repatriierung und Rehabilitierung sowjetischer Soldaten des Zweiten Weltkrieges* (Paderborn; München; Wien; Zürich: Brill Schöningh, 2012); A. Streim, *Die Behandlung sowjetischer Kriegsgefangener im „Fall Barbarossa“: eine Dokumentation unter Berücksichtigung der Unterlagen deutscher Strafverfolgungsbehörden und der Materialien der Zentralen Stelle der Landesjustizverwaltungen zur Aufklärung von NS-Verbrechen*. Heidelberg: Mueller, Juristischer Verlag, 1981.

¹⁴ See D. Zhukov, “German Occupation Authorities in the Territory of the USSR: Structure and Jurisdiction” [in Russian], *Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropeiskikh istoricheskikh issledovaniï*, no. 2–3 (2010): 38–44; K. Gessner, *Geheime Feldpolizei. Zur Funktion und Organisation des geheimpolizeilichen Exekutivorgans der faschistischen Wehrmacht* (Berlin: Militärverlag, 1986).

cleansing of the camps, which in fact consisted in the extermination of entire categories of prisoners of war). The GHP's functions included

... search and interrogation of prisoners of war, and identification of commanders, Bolsheviks and Jews among them, control over the postal, telegraph and telephone communications of the civilian population.¹⁵

Individual camps also attracted the historians' attention.¹⁶ Some publications about the Dulag (*Durchgangslager* [transit camp]) no. 126 in Smolensk and its hospital¹⁷ have appeared in recent years. The interviews of former prisoners of war by the Soviet investigative bodies in 1943 after the liberation of Smolensk constituted the main source for these publications. The authors proceed from the complete authenticity of the testimony and reference materials collected by the Smolensk NKVD, which in fact are not always accurate. They do not fully take into account the circumstances of time and place, they do not report the situation in which the testimonies were given and records were made. The lack of critical attitude to the sources casts doubt on the scientific value of these publications.

Along with the institutional approach in the study of the German camp system, an anthropological approach is also developing, highlighting the subjective side of the interaction between the ranks of the Wehrmacht and the SS, on the one hand, and captive Red Army servicemen, on the other hand.¹⁸ With all variety of individual positions and situations related to Soviet prisoners of war, among Wehrmacht soldiers and officers, racial arrogance dominated, combined with other guidelines of

¹⁵ Zhukov, "German Occupation Authorities," 40.

¹⁶ M.E. Erin, and G.L. Khol'nyi, *The Tragedy of Soviet Prisoners of War. History of Stalag 326 (VI K) Senne, 1941–1945* [in Russian] (Yaroslavl: Yaroslavskii gosudarstvennyi universitet, 2000); Sh. Yantovskii, *Soviet Prisoner-of-War Camp in Finland (1942–1944): Collected Memoirs and Documents* [in Russian] (Jerusalem: Makhanaim, 1995); B. Stelzl-Marx, "Im Gewahrsam des 'Dritten Reiches': Aspekte der Kriegsgefangenschaft dargestellt am Beispiel des Stalag XVII B Krems-Gneixendorf," in *Kriegsgefangenschaft im Zweiten Weltkrieg. Eine vergleichende Perspektive*, hrsg. G. Bischof, and R. Overmans (Ternitz; Pottschach: Gerhard Höller Verlag, 1999), 135–64.

¹⁷ S.M. Avramenko, "'Russians Are Not To Be Spared...'. Dulag 126 Smolensk – Camp for Soviet Prisoners of War" [in Russian], *Voенно-istoricheskii zhurnal*, no. 9 (2021): 36–45; T.I. Tarasenkova, "Smolensk: Life under Occupation (1941–1943)" [in Russian], *Nauka. Obshchestvo. Oborona = Science. Society. Defense*, vol. 10, no. 2 (31) (2022): 9–9, accessed February 21, 2023, <https://www.noo-journal.ru/nauka-obsestvo-oborona/2022-2-31/article-0313/>

¹⁸ R. Kershaw, *War without Garlands. Operation Barbarossa 1941–1942* [in Russian], trans. A.L. Utkin (Moscow: Yauza, 2021); C. Streit, "No Comrades": *the Wehrmacht and Soviet Prisoners of War, 1941–1945* [in Russian], trans. I. D'yakonov (Moscow: Russkaya panorama, 2009); et al.

National Socialist education: the cult of cruelty, fear of Bolshevism, anti-Semitism, and rejection of any rules of warfare.

Naturally, manifestation of those traits differed in people who wore the German uniform. In some instances, cruelty towards valorous Red Army soldiers caused internal protest and forced them to evade the commission of war crimes or even prevent them. But in general, officers and soldiers of the Wehrmacht watched with obvious indifference the mass death of prisoners of war from hunger and exposure, executions without a trial, severe punishments, extermination actions of operational units of the SD and SS in the camps,¹⁹ and when there was an order, they directly participated in slaughtering unarmed men.

The knowledge of German captivity accumulated in historical science allows us to reconstruct the general context of Vladimir Nyrkin's and Timofei Malygin's personal stories, which will be discussed further in our article.

As the main sources for the study we chose the records of V. Nyrkin's and T. Malygin's interrogations in the NKVD in 1942. Timofei Malygin's testimonies were published in the collection *War through the Eyes of Prisoners of War*.²⁰ We also used testimonies from residents of the Lysvensky district, which were not included in this collection. They are of interest because they contain some additional details that we did not find in T. Malygin's answers to the investigator's questions.²¹ Vladimir Nyrkin's interrogation records and witness statements are archived in PermGASPI.²²

We consider V. Nyrkin's and T. Malygin's interrogation records as special ego-documents that differ in their origin, since they were obtained during the investigation and under pressure. The investigators sought to find evidence of betrayal of the Motherland, and the defendants wanted to avert suspicions of such kind from themselves and sometimes they stretched the truth, kept silent about

¹⁹ Immediately after the war, Nazi professor Pfeffer tried to justify that indifference by various attendant circumstances, but he could hardly deny it. See K.G. Pfeffer, "The Germans and Other Nations in World War II" [in Russian], trans. L.K. Komolova, in *Outcomes of World War II*, ed. I.N. Sobolev (Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1957), 505.

²⁰ "Protokoly doprosov T.M. Malygina, voenfel'dshera 112-go strelkovogo polka 170-i strelkovoi divizii 51-go korpusa, v Lys'venskom GO NKVD Molotovskoi oblasti. 7 yanvarya – 31 marta 1942 g." [Records of interrogation of Timofei Malygin, military medical assistant of the 112th Infantry Regiment of the 170th Rifle Division of the 51st Corps, in the Lysvensky GO NKVD, Molotov Oblast. January 7 – March 31, 1942], in Leibovich et al., *War through the Eyes of Prisoners of War*, 218–28.

²¹ "Protokoly doprosov svidetelei po delu T.M. Malygina. Yanvar' – mart 1942 g." [Records of interrogation of witnesses in the case of T.M. Malygin. January–March 1942]. F. 641/1, op. 1, d. 14691, ll. 54–74. PermGASPI.

²² "Protokoly doprosov Nyrkina V.S. Fevral'-iyul' 1942 g." [Records of interrogations of V.S. Nyrkin. February–July 1942]. F. 641/1, op. 1, d. 13743, ll. 15–32 ob. PermGASPI; "Protokoly doprosov svidetelei po delu V.S. Nyrkina. Mart 1942 g." [Records of interrogations of witnesses in the case of V.S. Nyrkin. March 1942]. F. 641/1, op. 1, d. 13743, ll. 33–38. PermGASPI.

something, invented something else, and in some instances cases made a compromise with the investigator. It is possible that the NKVD officer edited the answers, inserting ready-made clichés into them. For instance, in V. Nyrkin's testimony, we read:

Through my actions, I helped the German command to implement the war plan in a barbaric way by providing troops and prisoners of war at the expense of the resources of the occupied country.²³

People do not talk like that, but this is how records of interrogation are made.

In their testimonies, both T. Malygin and V. Nyrkin told the investigator their own version of events, whitewashing them, rather than what had really happened to them and what they managed to remember. Moreover, Malygin had relevant experience: in 1937 he was under investigation by the NKVD and was convicted under two sections of Article 58 of the Criminal Code of the RSFSR. ("The case was dismissed in 1940 after the review for lack of evidence of the elements of crime"²⁴), and therefore, he knew who he was dealing with. In conversations with fellow villagers, he edited his reminiscences in a different way.

V. Nyrkin. Photo of the arrestee

Source: F PermGASPI. 641/1, op. 1, d. 13743,
paket s fotokartochkami [package with photographs], l. 8;
Fragment foto [Photo fragment], l. 9 (0134 – Nyrkin).

²³ "Protokol doprosa V.S. Nyrkina 03.06.1942 g." [Record of interrogation of V.S. Nyrkin, June 3, 1942]. F. 641/1, op. 1, d. 1374, l. 30. PermGASPI.

²⁴ Leibovich et al., *War through the Eyes of Prisoners of War*, 218.

In addition to ego-documents, we included in the sources a memorandum from the SMERSH counterintelligence department of the Western Front "On the Hospital for Soviet prisoners of war Organized in the City of Smolensk during the Occupation."²⁵ It briefly outlines the history of that hospital as a special part of Dulag no. 126 and lists the ranks of camp administration who performed command duties in the camp, including the medical unit. The memorandum stated that

when organizing the camp, the German command provided it with neither food nor medicaments. . .²⁶

In other words, Soviet prisoners of war were ordered to engage in self-supply, that is, to seek food from the peasants, which Vladimir Nyrkin actually did according to the instructions of the camp commandant.

On the basis of the above sources, we reconstructed the personal stories of the two Red Army commanders in German captivity.²⁷

Being taken prisoner

Vladimir S. Nyrkin, commander of the Road Company of the 55th Separate Motorized Engineering Battalion of the 5th Mechanized Corps of the Red Army, was taken prisoner wounded on August 6, 1941, after his formation had been defeated during the Battle of Smolensk.²⁸ Traces of a wound ("Distinguishing marks: a mark

²⁵ "Dokladnaya zapiska Upravleniya kontrrazvedki 'SMERSH' Zapadnogo fronta nachal'niku Glavnogo upravleniya kontrrazvedki 'SMERSH' V.S. Abakumovu i chlenu Voennogo soveta Zapadnogo fronta N.A. Bulganinu ob organizovannom gospiitale dlya sovetskikh voennoplennykh v g. Smolenske v period okkupatsii. 27 oktyabrya 1943 g." [Memorandum of the SMERSH Counterintelligence Directorate of the Western Front to the Head of the SMERSH Main Directorate of Counterintelligence V.S. Abakumov and member of the Military Council of the Western Front N.A. Bulganin on the hospital for Soviet prisoners of war organized in the city of Smolensk during the occupation. October 27, 1943]. F. K-72, op. 1, d. 36, ll. 103–14. Tsentral'nyi arkhiv FSB Rossii [Central Archive of the Federal Security Service of Russia] (a copy), accessed March 3, 2023, <https://victims.rusarchives.ru/fsb-27-10-1943-dokladnaya-zapiska-upravleniya-kontrrazvedki-smersh-zapadnogo-fronta>

²⁶ Ibid., 1. 104.

²⁷ The study of the NKVD's investigative and repressive practices in relation to T.M. Malygin and V.S. Nyrkin is not included in the research task.

²⁸ "The decision of the corps commander to send all the rear units across the Dnieper to the Ratchino area could not be fulfilled, since the communications and the crossing area were occupied by the enemy, who had completed the encirclement of the corps by the end of the day. Ammunition and fuel came to an end; food was running out. . . The remaining fighters and commanders left the encirclement one by one and in small groups. After leaving the encirclement, the corps was assigned to the front reserve." See E. Drig, *The Red Army's Mechanized Corps in Combat: A History of the Red Army's Automotive-Armored Corps in 1940–1941* [in Russian] (Moscow: AST: Tranzitkniga, 2005), 75–97.

of a bullet wound on the right leg near the knee, a shell fragment scar wound cicatrix on the right buttock") are recorded in Nyrkin's arrest questionnaire compiled in the Yavas camp.²⁹

V. Nyrkin told the following about the circumstances of his capture:

On the morning of August 5, the enemy fired on us from mortars and machine guns, and when we approached the Dnieper, we were fired on from machine guns, mortars and sub-machine guns, and then they began to bomb from aircraft. Panic happened, and everyone acted on their own initiative. I went out with a group of my fighters to the banks of the Dnieper. Here I received a bullet wound in my left leg,³⁰ ordered the fighters to follow on, and remained in place. At 5 pm on August 6 I was taken prisoner. On August 9, I was transferred to the city of Smolensk to the hospital for wounded Russian prisoners of war, where I stayed until January 21.³¹

During additional interrogation, he added some details:

The Germans surrounded us and fired at us with machine guns and sub-machine guns. Some of the comrades managed to escape from the fire, but I was wounded in the right leg and could not leave. I climbed into the bushes on the river bank and lay there for 2 days. On the 3rd day the Germans found me and took me prisoner.

Nyrkin also said that before being sent to the hospital, a German officer approached the car.

. . . and, turning to me, he asked in clear Russian, "Are you a commander?" I replied that yes, a small commander of low rank, and he ordered me to remove the insignia, which I did.³²

²⁹ "Anketa arestovannogo Nyrkina V.S." [Arrest questionnaire of V.S. Nyrkin]. F. 641/1, op. 1, d. 13743, l. 7 ob. PermGASPI.

³⁰ Inconsistency in the testimony as to which of V.S. Nyrkin's legs (left or right) was wounded is probably connected with the carelessness of the investigator who made the record of interrogation and wrote down the information about the wound erroneously. In turn, V.S. Nyrkin either did not see the mistake or decided not to argue.

³¹ "Protokol doprosa zaderzhannogo Nyrkina V.S. 15.02.1942 g." [Record of interrogation of detainee V.S. Nyrkin. February 15, 1942]. F. 641/1, op. 1, d. 13743, l. 15 ob. PermGASPI.

³² "Protokol dopolnitelnogo doprosa obvinyaemogo Nyrkina V.S. 16.02.1942 g." [Record of additional interrogation of the accused V.S. Nyrkin. February 16, 1942]. F. 641/1, op. 1, d. 13743, l. 19 ob. PermGASPI.

It should be noted that Junior Lieutenant Vladimir Nyrkin was captured in full uniform of the Red Army commander with insignia. It can be assumed that he did not let fear win, retaining the dignity of a Soviet officer.³³

Medical assistant of the 112th Infantry Regiment of the 170th Division of the 22nd Army Timofei Malygin was taken prisoner near Velikiye Luki shortly after “the troops of the 22nd Army suffered a major defeat during the Nevelsk defensive operation, the divisions suffered significant losses, and two of them were actually destroyed,” including the 170th division.³⁴

T.M. Malygin

Source: PermGASPI. F. 641/1, op. 1, d. 14691, l. 8. (0150 – Malygin)

³³ “As you know, by their behavior at the front, some commanders and political workers do not show the Red Army soldiers an example of courage, stamina, and love for the Motherland; on the contrary, they hide in slit trenches, dawdle in offices, do not see or observe the battlefield, and at the first serious difficulties in battle, they give in to the enemy, tear off their insignia, desert from the battlefield. Is it possible to tolerate cowards who desert to the enemy and surrender in the ranks of the Red Army or such cowardly commanders who tear off their insignia and desert to the rear after the first setback at the front? No, it is impossible! If we give free rein to these cowards and deserters, they will quickly decompose our army and ruin our Motherland. Cowards and deserters must be destroyed.” (“Prikaz Stavki Verkhovnogo Glavnogo Komandovaniya Krasnoi Armii № 270 ot 16 avgusta 1941 g.” [Order of the Headquarters of the Supreme High Command of the Red Army no. 270 as of August 16, 1941], *Voенно-istoricheskii zhurnal*, no. 9 (1988): 26–28.) It follows from the text of the order that many commanders and political workers got rid of insignia, thereby trying to impersonate ordinary Red Army soldiers.

³⁴ O.I. Nuzhdin, “Combat Operations at the Soviet–German Front in the Nevel – Velikie Luki area in July 1941” [in Russian], in *Ural Bulletin of International Studies*, ed. A.V. Stepanov et al., iss. 3 (Yekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi universitet im. A.M. Gor'kogo, 2005), 138–48.

During the interrogation, T. Malygin explained the circumstances of his capture as follows:

Near the village of Zhukovo, we unexpectedly came under the enemy's crossfire. At that time, I was hit by a bullet in my left leg and by a shell fragment in my right leg. Then, when I could not move, an artillery shell fell next to me, and I was covered with earth, i.e. I was shell-shocked.³⁵

He was found on the same day, on August 25, by local residents. "An old man and an old woman" (Malygin did not name their last names, only the name and patronymic of his savior, Vasili Stepanovich, was preserved in the records of interrogation). They carried him to their house, washed his wounds, and changed his clothes. On August 28, a German soldier entered the house, saw a commander's overcoat on the coat hanger, took out his weapon and pointed it at the old man.

Regarding further events, Malygin said the following:

I saw it through the crack and told the old man to show me, [say] where I was. Then a German soldier came up to me and asked me in German to get up. To this, I replied to him that I could not get up, as I was wounded. He left immediately, and after a while he returned with a group of four German soldiers. The German soldiers put me on a stretcher and took me out of the house, carried me out of the village to the field where the German headquarters was situated, which was in the field next to the village. When the soldiers brought me to headquarters, German officers were there.³⁶

From Timofei Malygin's answers to the investigator of the Lysvensky city department of the NKVD, we learn the details of his interrogation by the Germans: the interrogation lasted at least three hours, and all this time the wounded Malygin sat on the earthen floor and answered questions about his status in the Red Army (military rank, type of troops, membership in the party and political or punitive bodies). If it had turned out that there was a political worker or special officer dressed in peasant clothes in front of the interrogators, he would have been shot immediately.³⁷ During the interrogation, T. Malygin said that he was a medical

³⁵ "Protokol doprosa Malygina T.M. 07.01.1942 g." [Record of interrogation of T.M. Malygin. January 07, 1942], in Leibovich et al., *War through the Eyes of Prisoners of War*, 218.

³⁶ "Protokol doprosa Malygina T.M. 07.01.1942 g." [Record of interrogation of T.M. Malygin. January 07, 1942], in Leibovich et al., *War through the Eyes of Prisoners of War*, 219.

³⁷ In accordance with the orders and instructions sent to the troops, Wehrmacht officers were obliged to identify undesirable elements among prisoners of war and "immediately destroy them in principle, selecting them directly on the battlefield." See Otto and Keller, *Soviet Prisoners of War in the German Concentration Camp System*, 131.

assistant by rank, obtained his medical education at the Arkhangelsk technical school, and served at the front in a field hospital. He had to prove this information about himself by answering questions of a Wehrmacht medical lieutenant (Assistenzarzt). It is possible to say that Malygin went through an impromptu exam to test his knowledge of medicine with the help of appropriate textbooks:

One of the officers brought two books in German called *Internal Medicine* and *Pharmacology* and while reading the book, [they] asked me medical questions related to diseases. I was asked a lot of questions; it took them about three hours to interrogate me. And that was the end of the interrogation.³⁸

Malygin's answers completely satisfied the staff officers, as a result of which they immediately mobilized him to collect the wounded Red Army soldiers and issued a pass for him with a drawn red cross (in the pass, the prisoner is called a doctor), a carriage with a horse and four nurses. When deciding on the fate of Timofei Malygin, the lieutenant of the Wehrmacht medical service was guided by the OKW instruction of July 7, 1941.³⁹

Analyzing the sources, we found some common circumstances of the capture of commanders Vladimir Nyrkin and Timofei Malygin: when leaving the encirclement, both of them were wounded, abandoned by their subordinates and comrades, and found by the Germans. Further events unfolded in different ways: Vladimir Nyrkin was sent to a hospital for prisoners of war, and Timofei Malygin was ordered to collect the wounded Red Army soldiers from the battlefield.

In captivity

Vladimir Nyrkin did not tell the investigator of the special department at the Yavas camp anything about his stay as a wounded patient in the hospital at Dulag no. 126. And he said little about the hospital itself:

The hospital accommodates up to 6 thousand patients and has two large buildings; from the beginning of its establishment, it served exclusively wounded Red Army soldiers who were captured by the Germans. From November it was included in Camp 26, and patients began to arrive. Patients lie there right on the

³⁸ "Protokol doprosa Malygina T.M. 07.01.1942 g." [Record of interrogation of T.M. Malygin. January 07, 1942], in Leibovich et al., *War through the Eyes of Prisoners of War*, 219.

³⁹ "On July 7, the leadership of the infantry issued an instruction, according to which 'prisoners of war were to be rendered first aid in armies and divisions, as was the case during previous campaigns.' At the same time, 'first of all, Russian medical personnel as well as Russian medicines and dressings were to be used.' Evacuation was recommended to be carried out if possible, with the help of columns passing by without a load, 'cars to transport patients were not to be allocated,' that is, their use was prohibited. Two weeks later, that order was amended and tightened." Streit, "*No Comrades*", 194.

floor and sleep on what they put on themselves. They give 200 grams of bread and hot dishes from horse meat 2–3 times.⁴⁰

Even judging by this brief description, the camp hospital was a disastrous place: enormous crowdedness, lack of bedding, hunger and cold. If we add to this the cruelty of the “guardians of order” from among the prisoners of war (there were even rumors about one of them that he had received an iron cross for beating and exterminating wounded soldiers and commanders),⁴¹ lack of necessary dressings and medicines, we can assume that Vladimir Nyrkin was unspeakably lucky: he did not die of typhus or blood poisoning, but on September 1, 1941, he left the hospital alive and partly healthy.⁴²

In all probability, he was a lenient commander in the Red Army. In any case, his former subordinate, Sergeant Fedor Yakovlev, who became the head of supply in the hospital for prisoners of war, accepted Nyrkin to serve in the internal administration of the camp as a food purveyor for the wounded Red Army soldiers, having received the consent of the German commandant. From Nyrkin’s testimony: “The commander of the prisoners-of-war camp gave me a pass with the right of free movement.”⁴³ In addition to the pass, he was given a German overcoat without insignia and sent to the surrounding villages to agitate the peasants to donate food for the needs of the wounded. He was instructed to seek help from the local administration and village elders, and that was what Vladimir Nyrkin did until January 21, 1942:

On arrival in a village with the help of a village elder, I gathered general meetings of citizens on the issue of collecting food for the captured Red Army soldiers and commanders. At almost all meetings, I spoke on behalf of the

⁴⁰ “Protokol doprosa zaderzhannogo Nyrkina V.S. 15.02.1942 g.” [Record of interrogation of detainee V.S. Nyrkin. February 15, 1942]. F. 641/1, op. 1, d. 13743, l. 16 ob. PermGASPI.

⁴¹ Avramenko, ““Russians Are Not To Be Spared...”,” 38.

⁴² “Many windows in the building had no glass in them; the Germans removed the steam heating. The building could accommodate no more than 1,000 people, but the number of the sick and wounded reached 4,500 people at times. There were no beds or bedding in the hospital; patients were laid on the floor in wards, corridors, and basements. The hospital ration consisted of 200 g of bread mixed with sawdust, rye grain soup, vegetable peels or rotten potatoes. Due to unsanitary conditions and rooms not heated in winter, the death rate in the hospital reached 200 people per day. In total, from July 1941 to September 1943, more than 25 thousand people died there.” (Tarasenkova, “Smolensk: Life under Occupation”), p. 9.

⁴³ “Protokol dopolnitel'nogo doprosa obvinyaemogo Nyrkina V.S. 16.02.1942 g.” [Record of additional interrogation of the accused V.S. Nyrkin. February 16, 1942]. F. 641/1, op. 1, d. 13743, ll. 19 ob.–20. PermGASPI.

captured Red Army soldiers and commanders who were in the German hospital and demanded from citizens that they voluntarily hand over their surplus food.⁴⁴

K.T. Azarov, a fighter of the partisan detachment, remembered that

in February 42, a representative of the German command came to the village of Plotki; he held meetings of citizens on the issue of collecting food. I don't know his first name, surname, and patronymic, he speaks Russian well, above average height, round face, blond. Wears a German overcoat without insignia, a hat, and warm felt boots.⁴⁵

According to Nyrkin, he came to the village of Plotki February 8, 1942, having learned that they gather all those liable for military service to be sent to the formation point across the front. "Having heard this, I went to Plotki, where I asked the children where the mobilized gathered."⁴⁶ Vladimir Nyrkin never returned to the hospital. This is how his service in the German prisoner-of-war hospital ended.

Timofei Malygin was held in captive by the Germans for several days.⁴⁷ After interrogation, during which it was established that the prisoner had medical experience, he was left in the headquarters for two hours. Further, according to Malygin himself, the events unfolded as follows:

... a carriage arrived with a German soldier. On entering the headquarters, the latter together with the soldier who guarded me put [me] in the cart and took me to the village of Lipets, Velikoluksky district, which was one and a half kilometers from the German headquarters. . . . Upon arrival in the village of Lipets, a German officer with an interpreter immediately approached me. The latter told me that I was staying there at the disposal of one of the German doctors, who came a little later, and I was told that I was staying in the village to dress the wounds of Russian soldiers.⁴⁸

The nurses were taking actual care of the wounded, and medical assistant Malygin gave them instructions on who, how, and in what order to apply dressings. He did

⁴⁴ "Protokol doprosa obvinyaemogo Nyrkina V.S. 24.03.1942 g." [Record of interrogation of the accused V.S. Nyrkin. March 24, 1942]. F. 641/1, op. 1, d. 13743, l. 23. PermGASPI.

⁴⁵ "Protokol doprosa svidetelya Azarova K.T. 23.03.1942 g." [Record of interrogation of witness K.T. Azarov. March 23, 1942]. F. 641/1, op. 1, d. 13743, l. 36. PermGASPI.

⁴⁶ "Protokol doprosa obvinyaemogo Nyrkina V.S. 19.06.1942 g." [Record of interrogation of the accused V.S. Nyrkin. June 19, 1942]. F. 641/1, op. 1, d. 13743, l. 31. PermGASPI.

⁴⁷ "Protokol doprosa svidetelya Likhachevoi L.K. 25.03.1942 g." [Record of interrogation of witness L.K. Likhacheva. March 25, 1942]. F. 641/1, op. 1, d. 14691, l. 57 ob. PermGASPI.

⁴⁸ "Protokol doprosa Malygina T.M. 07.01.1942 g." [Record of interrogation of T.M. Malygin. January 7, 1942], in Leibovich et al., *War through the Eyes of Prisoners of War*, 220.

that while lying in the carriage, showing that he could neither stand nor move due to his own wound. The flag of the German Red Cross was fixed on the carriage, and Malygin was also given a corresponding armband.

During interrogation in the Lysvensky city NKVD department, Malygin said:

We continued to apply dressings for two days, i.e. on August 28–29, 1941. When first aid was provided to all the wounded, we stopped our work. And in the morning of August 30, 1941, a German officer came with an interpreter and through the interpreter gave the order to take the wounded to the apartments of the local residents of the village of Lipets, Mikhalka and others, in view of the fact that there was nothing to feed the wounded, and it was necessary to take [them] to private apartments so that the locals provided [them] with food. They gave us four horses with road carts and told us to oblige the local residents to help us transport the wounded. So we placed all the wounded in locals' houses.⁴⁹

The old man at whose place Malygin had been hiding earlier was among the local residents who helped him. Malygin returned to his house. That is when Timofei Malygin's service in the German Red Cross ended, but the horse, the road cart with a flag and the armband remained with him. Later he told his fellow villagers about his time in captivity, saying that the Germans respected him, fed him well: "They gave me sandwiches with Dutch cheese, coffee, meat soup and meat for lunch. . ."⁵⁰ Malygin claimed that his ration was so large that he had an opportunity to feed the nurses: "He did not eat the soup, but gave it to the nurses, whom the Germans did not feed at all and kept hungry."⁵¹ However, Timofei Malygin did not want to remain in captivity. He decided to take the opportunity and persuaded Vasilii Stepanovich to take him across the front line, crossing Lake Ilmen to the eastern shore, where by the units of the Red Army were located.

Escaping from captivity

Vladimir Nyrkin was transported across the front line by the partisans who suspected him of espionage: a German overcoat, a round face, an official paper from the commandant, speeches to peasants in the presence of village elders, an unsuccessful attempt to release a parachutist, world record holder and order bearer Air Force Captain V.D. Kozulya, from the hospital for prisoners of war.⁵²

⁴⁹ "Protokol doprosa Malygina T.M. 07.01.1942 g." [Record of interrogation of T.M. Malygin. January 7, 1942], in Leibovich et al., *War through the Eyes of Prisoners of War*, 221.

⁵⁰ "Protokol doprosa svidetelya Iutinoi E.V. 26.03.1942 g." [Record of interrogation of witness E.V. Iutina. March 26, 1942]. F. 641/1, op. 1, d. 14691, l. 65. PermGASPI.

⁵¹ "Protokol doprosa svidetelya Malyginoi E.I. 20.01.1942 g." [Record of interrogation of witness E.I. Ma l'gina. January 20, 1942]. F. 641/1, op. 1, d. 14691, l. 56. PermGASPI.

⁵² Viktor D. Kozulya (1905–61), Captain of the Red Army Air Force, set a world record in 1935 by jumping from an airplane without an oxygen device from a height of 8,200 m. In 1938, he

When asked by the NKVD investigator, whether it was possible to “take Kozulya out of the hospital,” Vladimir Nyrkin replied:

Yes, there was such an opportunity; it was very easy to take him out of the hospital. This could be done in this way: the products I collected were brought to the hospital in peasant carriages, and under the guise of a carter, he could be placed in one of the carriages, and he could leave the camp freely, since the Germans who guarded the hospital did not check the carters. . . The idea to take Kozulya out of the hospital was put forward by the partisans, who made an appointment for February 4 in the village of Manino. When I arrived in the village of Manino to meet the partisans, I did not find them in the village. After that, I did not return to the hospital and went with partisans from another detachment to the location of the Red Army units.⁵³

The partisans mentioned above did not trust the provider of the German hospital, and Junior Lieutenant of the Red Army clearly had a low opinion about their discipline and responsibility. But the strength was at partisans’ side, and they delivered him under escort to a special department.

Timofei Malygin took advantage of a favorable opportunity to escape. The “passport” guaranteed him free passage through the German rear, and the flag protected from the dangerous curiosity of the Wehrmacht soldiers. It was only necessary to persuade the owner of the house to be a guide and a carter. We don’t know what they were talking about, only the result is known. The medical assistant gave his landlord two pairs of underwear, two pairs of towels, a service shirt and a pair of trousers, an overcoat, and a German camera as payment for the service.⁵⁴

He had to move to the front with stops, hire guides, stop using the road cart with a flag, and to negotiate with local collective farmers so that they could sell him

became a test pilot of the 1st division of the 4th department of the Air Force Research Institute. He performed more than 6,000 different parachute jumps. On August 5, 1941, he became the commander of the MiG-3 and LaGG-3 of the 38th Reconnaissance Aviation Squadron. On August 18, 1941, he flew on a MiG-3 from the Novoe Selo airfield for aerial reconnaissance of enemy rail traffic in the Arkhipovka – Krasny Bor – Smolensk area. He was shot down in the vicinity of Dukhovshchina and taken prisoner near Yartsevo on August 20. See “Kozulya Viktor Dmitrievich” [in Russian], Test Pilots, accessed March 8, 2023, <https://testpilot.ru/base/2020/09/kozulya-v-d/>; see also V.D. Kozulya, *Overboard the Plane: Stories of an Order-Holding Paratrooper* [in Russian] (Moscow; Leningrad: Detizdat TsK VLKSM, 1937).

⁵³ “Protokol doprosa obvinyaemogo Nyrkina V.S. 16.07.1942 g.” [Record of interrogation of the accused V.S. Nyrkin. July 16, 1942]. F. 641/1, op. 1, d. 13743, l. 32–32 ob. PermGASPI.

⁵⁴ “Protokol doprosa Malygina T.M. 07–08.01.1942 g.” [Records of interrogation of T.M. Malygin. January 7–8, 1942], in Leibovich et al., *War through the Eyes of Prisoners of War*, 222.

“underwear, trousers, a shirt, a jacket made of some kind of cloth, and a cap.”⁵⁵ Malygin said that a certain collective farm chairman wrote him a “certificate stating that he was their collective farmer.”⁵⁶ In the end, Timofei Malygin reached the village of Yamon on the shores of Lake Ilmen. There, kind people found him a carrier – a young guy. He agreed, to transport him by boat to the Soviet shore in exchange for a watch. Malygin recalled further:

At about 4 am we arrived at the mouth of the Msta River, where we were detained by Soviet intelligence, after which we were taken together with the guy to the headquarters of our unit, but I don't know which unit it was. After that, we were no longer interrogated together: as a Red Army serviceman, I was interrogated by the special department of the unit, and I did not see him again.⁵⁷

It can be seen from the stories of the escaped prisoners of war that there was no solid front line established either in September 1941 or in February 1942. The partisan command mobilized men in the Red Army near Smolensk and sent recruits to the Soviet side. In September, the residents of the lakeside Novgorod villages were engaged in a dangerous activity: for a reward, they transported by boats those who did not want to remain in the occupation.

Even for unescorted prisoners of war, escape was a risky business, requiring enterprise, audacity, and great willpower. Danger lay in wait both on the part of the Germans and on the part of the Russian servicemen of the auxiliary police. Even an encounter with partisans did not guarantee safety.

Timofei Malygin, who was unable to move independently, decided to rely on the peasants' help when he escaped from captivity, paying for every service with Soviet roubles and valuables. Vladimir Nyrkin ventured to flee when he had recovered from his wounds and had established what he thought were mutually beneficial ties with the partisans. It can be assumed that his motive was hunger in the prisoner-of-war camp: dozens, if not hundreds of people died of starvation in Dulag no. 126 every day. It should be noted that Vladimir Nyrkin did not say a word about that during the Soviet investigation as he did not want to look like a self-seeker.

⁵⁵ “Protokol doprosa Malygina T.M. 07–08.01.1942 g.” [Records of interrogation of T.M. Malygin. January 7–8, 1942], in Leibovich et al., *War through the Eyes of Prisoners of War*, 229.

⁵⁶ “Protokol doprosa Malygina T.M. 07–08.01.1942 g.” [Records of interrogation of T.M. Malygin. January 7–8, 1942], in Leibovich et al., *War through the Eyes of Prisoners of War*, 229.

⁵⁷ “Protokol doprosa Malygina T.M. 07–08.01.1942 g.” [Records of interrogation of T.M. Malygin. January 7–8, 1942], in Leibovich et al., *War through the Eyes of Prisoners of War*, 224–25.

Conclusion

The life stories of the two Red Army commanders discovered by us in archival and investigative files made it possible to see the situation of German captivity through their eyes. It is the subjectivity of the views of our characters that is particularly interesting. Thanks to a fortunate combination of circumstances and their own enterprise, Vladimir Nyrkin and Timofei Malygin managed to avoid the worst. Among the Wehrmacht soldiers who found them, there were no Nazi fanatics or violent recruits who were running amok because of battles and campaigns. They were not stabbed with a bayonet, they were not brained with a rifle butt, they were not shot in a hurry and left to die. By a twist of fate, one German hospital urgently needed Russian medical workers, and in another hospital, one of the captive commander's colleagues turned out to be an official. Vladimir Nyrkin became an employee of the internal administration of Dulag no. 126 for a short time, finding himself in a privileged position. Timofei Malygin, being a prisoner, lived in a private apartment. However, they did not intend to remain in German captivity. To some extent, both of them initially revealed, maybe not indifference, but a certain detachment from the fact that they had been abandoned by their comrades in arms on the battlefield and taken captive. But they could not accept the humiliated position of the *Untermensch* (under-human) in German captivity or even in the occupation zone. They returned to the Soviet side (even knowing or guessing the possible consequences).

Based on the materials of the investigation case files, we have reconstructed personal narratives of two commanders of the Red Army who survived German captivity in 1941. In these narratives, a sufficient number of details can be found to confirm the known historical facts about the activities of prisoner-of-war camps. The results our study had yielded include not only verification of a large historical narrative but also acquisition of additional data on the subjective perception of camp realities by the people who belonged to the first Soviet generation. New knowledge was extracted from the sources thanks to the heuristic possibilities of "inquisitorial" anthropology, such as its unfocused optics and intense interest in details.

Список литературы

Авраменко С.М. «Русских шадить нечего...». Дулаг 126 Смоленск – Лагерь для советских военнопленных // Военно-исторический журнал. 2021. № 9. С. 36–45.

Ветме В. Гитлеровский вермахт: Этапы дискуссии вокруг одной немецкой легенды / перевод с немецкого М. Корчагиной // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 270–274.

Гириц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры / перевод с английского Е.М. Лазаревой // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры / составитель С.Я. Левит. Санкт-Петербург: Университетская книга, 1997. С. 171–200.

Дриг Е. Механизированные корпуса РККА в бою: история автобронетанковых войск Красной Армии в 1940–1941 гг. Москва: АСТ: Транзиткнига, 2005. 830 с.

Ерин М.Е. Советские военнопленные в нацистской Германии 1941–1945 гг. Проблемы исследования. Ярославль: ЯрГУ, 2005. 178 с.

Ерин М.Е., Хольный Г.Л. Трагедия советских военнопленных (история шталага 326 (VI К) Зенне, 1941–1945 гг.). Ярославль: Ярославский государственный университет, 2000. 138 с.

Жуков Д. Германские оккупационные органы на территории СССР: структура и юрисдикция // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2010. № 2–3. С. 38–44.

Кершоу Р. 1941 год глазами немцев. Березовые кресты вместо железных / перевод с английского А.Л. Уткина. Москва: Яуза, 2021. 544 с.

Латышев А.В. Проверочно-фильтрационные лагеря НКВД СССР: кадры, ведомственные интересы и проверка военнослужащих Красной армии (1941–1945) // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 63. 2015. № 6 (361). С. 72–79.

Латышев А.В. Сеть проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР в 1942–1945 гг. // Клио. 2014. № 9 (93). С. 48–52.

Лейбович О.Л. и др. Война глазами военнопленных. Красноармейцы в немецком плену в 1941–1945 гг. (по рассекреченным документам советской контрразведки, хранящимся в Государственном общественно-политическом архиве Пермской области): сборник документов. Пермь: Пермское книжное издательство, 2008. 752 с.

Лейбович О.Л., Казанков А.И. «Инквизиторская антропология» как генератор исторических нарративов советской эпохи // Шаги/Steps. 2022. Т. 8, № 3. С. 198–214.

Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941–1944). О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории / перевод с немецкого А.П. Артемова и др. Москва: Воениздат, 1974. 386 с.

Нуждин О.И. Боевые действия на советско-германском фронте в районе Невель – Великие Луки в июле 1941 г. // Уральский вестник международных исследований / под редакцией А.В. Степанова и др. Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 2005. Вып. 3. С. 138–148.

Отто Р., Келлер Р. Советские военнопленные в системе концлагерей Германии / перевод с немецкого Л.В. Ланника, Н.А. Власова. Москва: Аспект Пресс, 2020. 399 с.

Пфедфер К.Г. Немцы и другие народы во Второй мировой войне / перевод с немецкого Л.К. Комоловой // Итоги Второй мировой войны / под редакцией И.Н. Соболева. Москва: Издательство иностранной литературы, 1957. С. 492–515.

Семиряга М.И. Судьба советских военнопленных // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 19–33.

Тарасенкова Т.И. Смоленск: жизнь в оккупации (1941–1943 гг.) // Наука. Общество. Оборона. 2022. Т. 10, № 2 (31). С. 9–9. URL: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obsestvo-oborona/2022-2-31/article-0313/> (дата обращения: 21.02.2023).

Тогоева О., Данилевский И. Прощание с микроисторией? // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 2020 / под редакцией О.И. Тогоевой, И.Н. Данилевского. Москва: Индрик, 2020. Вып. 15. С. 386–399.

Штрайт К. «Они нам не товарищи...» Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. / перевод с немецкого И. Дьяконова. Москва: Русская панорама, 2009. 480 с.

Янтовский Ш. Лагерь советских военнопленных в Финляндии (1942–1944): сборник воспоминаний и документов. Иерусалим: Маханаим, 1995. 142 с.

Bonwetsch B. Die sowjetischen Kriegsgefangenen zwischen Stalin und Hitler // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1993. № 2. S. 135–142.

Dams C., Stolle M. *Die Gestapo. Herrschaft und Terror im Dritten Reich*. München: C.H. Beck, 2008. 248 S.

Gessner K. *Geheime Feldpolizei. Zur Funktion und Organisation des geheimpolizeilichen Exekutivorgans der faschistischen Wehrmacht*. Berlin: Militärverlag, 1986. 227 S.

Karsten L. Rezension zu: Keller, Rolf: *Sowjetische Kriegsgefangene im Deutschen Reich 1941/42. Behandlung und Arbeitseinsatz zwischen Vernichtungspolitik und kriegswirtschaftlichen Erfordernissen*. Göttingen 2011 // H-Soz-Kult. 09.02.2012. URL: <http://www.hsozkult.de/publicationreview/id/reb-16585> (дата обращения: 05.03.2023).

Keller R. *Sowjetische Kriegsgefangene im Deutschen Reich 1941/42. Behandlung und Arbeitseinsatz zwischen Vernichtungspolitik und kriegswirtschaftlichen Erfordernissen*. Göttingen: Wallstein Verlag, 2011. 511 S.

Rotarmisten in deutscher Hand: Dokumente zu Gefangenschaft, Repatriierung und Rehabilitation sowjetischer Soldaten des Zweiten Weltkrieges / herausgegeben von R. Overmans, A. Hilger, P. Polian. Paderborn; München; Wien; Zürich: Brill Schöningh, 2012. 956 S.

Stelzl-Marx B. Im Gewahrsam des "Dritten Reiches": Aspekte der Kriegsgefangenschaft dargestellt am Beispiel des Stalag XVII B Krems-Gneixendorf // *Kriegsgefangenschaft im Zweiten Weltkrieg. Eine vergleichende Perspektive* / herausgegeben von G. Bischof, R. Overmans. Ternitz; Pottschach: Gerhard Höller Verlag, 1999. S. 135–164.

Streim A. Die Behandlung sowjetischer Kriegsgefangener im "Fall Barbarossa". Eine Dokumentation unter Berücksichtigung der Unterlagen deutscher Strafverfolgungsbehörden und der Materialien der Zentralen Stelle der Landesjustizverwaltungen zur Aufklärung von NS-Verbrechen, Heidelberg: Mueller, Juristischer Verlag, 1981. 442 S.

References

Avramenko, S.M. "‘Russkikh shchadit' nechego...'. Dulag 126 Smolensk – Lager' dlya sovetskikh voennoplennykh" ['Russians are not to be spared...'. Dulag 126 Smolensk – Camp for Soviet prisoners of war]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*, no. 9 (2021): 36–45. (In Russian)

Bonwetsch, B. "Die sowjetischen Kriegsgefangenen zwischen Stalin und Hitler." *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, no. 2 (1993): 135–42.

Dams, C., and M. Stolle. *Die Gestapo. Herrschaft und Terror im Dritten Reich*. München: C.H. Beck, 2008.

Drig, E. *Mekhanizirovannyye korpusa RKKa v boyu: istoriya avtobronetankovykh voisk Krasnoi Armii v 1940–1941 gg.* [The Red Army's Mechanized Corps in combat: a history of the Red Army's Automotive-Armored Corps in 1940–1941]. Moscow: AST: Tranzitkniga, 2005. (In Russian)

Erin, M.E. *Sovetskie voennoplennyye v natsistskoi Germanii 1941–1945 gg. Problemy issledovaniya* [Soviet prisoners of war in Nazi Germany in 1941–1945. Research problems]. Yaroslavl: YarGU, 2005. (In Russian)

Erin, M.E., and G.L. Khol'nyi. *Tragediya sovetskikh voennoplennykh (istoriya shtalaga 326 (VI K) Zenne, 1941–1945 gg.)* [The tragedy of Soviet prisoners of war. History of Stalag 326 (VI K) Senne, 1941–1945]. Yaroslavl: Yaroslavskii gosudarstvennyi universitet, 2000. (In Russian)

Geertz, C. "Thick Description: Toward an Interpretive Theory of Culture 1973," in C. Geertz, *The interpretation of culture: selected essays*, 3–30. New York: Basic Books, 1973.

Gessner, K. *Geheime Feldpolizei. Zur Funktion und Organisation des geheimpolizeilichen Exekutivorgans der faschistischen Wehrmacht*. Berlin: Militärverlag, 1986.

Karsten, L. Rezension zu: Keller, Rolf: *Sowjetische Kriegsgefangene im Deutschen Reich 1941/42. Behandlung und Arbeitseinsatz zwischen Vernichtungspolitik und kriegswirtschaftlichen Erfordernissen*, Göttingen, 2011. *H-Soz-Kult*. February 9, 2012. Accessed March 5, 2023. <http://www.hsozkult.de/publicationreview/id/reb-16585>

Keller, R. *Sowjetische Kriegsgefangene im Deutschen Reich 1941/42. Behandlung und Arbeitseinsatz zwischen Vernichtungspolitik und kriegswirtschaftlichen Erfordernissen*. Göttingen: Wallstein Verlag, 2011.

Kershaw, R. *1941 god glazami nemtsev. Berezovye kresty vmesto zheleznykh* [War without garlands. Operation Barbarossa 1941–1942]. Translated from English by A.L. Utkin. Moscow: Yauza, 2021. (In Russian)

Latyshev, A.V. "Proverochno-fil'tratsionnye lagerya NKVD SSSR: kadry, vedomstvennye interesy i proverka voennosluzhashchikh Krasnoi armii (1941–1945)" [The Soviet NKVD screening and filtration camps: personnel, departmental conflicts and checkup of Red Army soldiers (1941–1945)], *Vestnik Chelyabinskogo gosuniversiteta. Istoriya*, iss. 63, no. 6 (361) (2015): 72–79. (In Russian)

Latyshev, A.V. "Set' proverochno-fil'tratsionnykh lagerei NKVD SSSR v 1942–1945 gg." [The network of checkout and filtration camps of the NKVD of the USSR in 1942–1945]. *Klio*, no. 9 (93) (2014): 48–52. (In Russian)

Leibovich, O.L. et al. *Voina glazami voennoplennykh. Krasnoarmeitsy v nemetskom plenu v 1941–1945 gg. (po rassekrechennym dokumentam sovetskoi kontrrazvedki, khranyashchimsya v Gosudarstvennom obshchestvenno-politicheskom arkhive Permskoi oblasti): sbornik dokumentov* [War through the eyes of prisoners of war. Red Army soldiers in German captivity in 1941–1945 (based on declassified documents of the Soviet counterintelligence stored in the State Socio-Political Archive of the Perm Region): a collection of documents]. Perm: Permskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2008. (In Russian)

Leibovich, O.L., and A.I. Kazankov. "'Inkvizitorskaya antropologiya' kak generator istoricheskikh narrativov sovetskoi epokhi" ['Inquisitorial anthropology' as a generator of historical narratives of the Soviet era]. *Shagi/Steps*, vol. 8, no. 3 (2022): 198–214. (In Russian)

Müller, N. *Vermakht i okkupatsiya (1941–1944). O roli vermakhta i ego rukovodyashchikh organov v osushchestvlenii okkupatsionnogo rezhima na sovetskoi territorii* [Wehrmacht and occupation (1941–1944). On the role of the Wehrmacht and its governing organs in the implementation of occupation regime in the Soviet territory]. Translated from German by A.P. Artemov et al. Moscow: Voenizdat, 1974. (In Russian)

Nuzhdin, O.I. "Boevye deistviya na sovetsko-germanskome fronte v raione Nevel' – Velikie Luki v iyule 1941 g." [Combat operations at the Soviet-German front in the Nevel – Velikie Luki area in July 1941]. In *Ural'skii vestnik mezhdunarodnykh issledovaniy* [Ural Bulletin of International Studies], edited by A.V. Stepanov et al., iss. 3, 138–48. Yekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi universitet im. A.M. Gor'kogo, 2005. (In Russian)

Otto, R., and R. Keller. *Sovetskie voennoplennyye v sisteme kontslagerei Germanii* [Soviet prisoners of war in the German concentration camp system]. Translated from German by L.V. Lannik, and N.A. Vlasov. Moscow: Aspekt Press, 2020. (In Russian)

Overmans, R., A. Hilger, and P. Polian, hrsg. *Rotarmisten in deutscher Hand: Dokumente zu Gefangenschaft, Repatriierung und Rehabilitierung sowjetischer Soldaten des Zweiten Weltkrieges*. Paderborn; München; Wien; Zürich: Brill Schöningh, 2012.

Pfeffer, K.G. "Nemtsy i drugie narody vo Vtoroi mirovoi voine" [The Germans and other nations in World War II]. Translated from German by L.K. Komolova. In *Itogi Vtoroi mirovoi*

voiny [Outcomes of World War II], edited by I.N. Sobolev, 492–515. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1957. (In Russian)

Semiryaga, M.I. "Sud'ba sovetskikh voennoplennykh" [The fate of Soviet prisoners of war]. *Voprosy istorii*, no. 4 (1995): 19–33. (In Russian)

Stelzl-Marx, B. "Im Gewahrsam des 'Dritten Reiches': Aspekte der Kriegsgefangenschaft dargestellt am Beispiel des Stalag XVII B Krems-Gneixendorf." In *Kriegsgefangenschaft im Zweiten Weltkrieg. Eine vergleichende Perspektive*, herausgegeben von G. Bischof, und R. Overmans, 135–64. Ternitz; Pottschach: Gerhard Höller Verlag, 1999.

Streim, A. *Die Behandlung sowjetischer Kriegsgefangener im „Fall Barbarossa“: eine Dokumentation unter Berücksichtigung der Unterlagen deutscher Strafverfolgungsbehörden und der Materialien der Zentralen Stelle der Landesjustizverwaltungen zur Aufklärung von NS-Verbrechen*. Heidelberg: Mueller, Juristischer Verlag, 1981.

Streit, C. "Oni nam ne tovarishchi..." *Vermakht i sovetskie voennoplennye v 1941–1945 gg.* ["No comrades": the Wehrmacht and Soviet prisoners of war, 1941–1945]. Translated from German by I. D'yakonov. Moscow: Russkaya panorama, 2009. (In Russian)

Tarasenkova, T.I. "Smolensk: zhizn' v okkupatsii (1941–1943 gg.)" [Smolensk: life under occupation (1941–1943)]. *Nauka. Obshchestvo. Oborona = Science. Society. Defense*, vol. 10, no. 2 (31) (2022): 9–9. Accessed February 21, 2023. <https://www.noo-journal.ru/nauka-obsestvo-oborona/2022-2-31/article-0313/> (In Russian)

Togoeva, O., and I. Danilevskii. "Proshchanie s mikroistoriei?" [Farewell to micro-history?]. In *Kazus: Individual'noe i unikal'noe v istorii, 2020* [Casus: the individual and the unique in history. 2020], edited by O.I. Togoeva, and I.N. Danilevskii, iss. 15, 386–99. Moscow: Indrik, 2020. (In Russian)

Wette, W. "Gitlerovskii vermakht: Etapy diskussii vokrug odnoi nemetskoj legendy" [Hitler's Wehrmacht: stages of the debate on a German legend]. Translated from German by M. Korchagina. *Neprikosnovennyi zapas*, no. 2–3 (40–41) (2005): 270–74. (In Russian)

Yantovskii, Sh. *Lager' sovetskikh voennoplennykh v Finlyandii (1942–1944): sbornik vospominanii i dokumentov* [Soviet prisoner-of-war camp in Finland (1942–1944): collected memoirs and documents]. Jerusalem: Makhanaim, 1995. (In Russian)

Zhukov, D. "Germanskije okkupatsionnye organy na territorii SSSR: struktura i yurisdiksiya" [German occupation authorities in the territory of the USSR: structure and jurisdiction]. *Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropeiskikh istoricheskikh issledovaniy*, no. 2–3 (2010): 38–44. (In Russian)

Информация об авторах

Олег Леонидович Лейбович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и философии, <https://orcid.org/0000-0001-5191-939X>, oleg.leibov@gmail.com, Пермский государственный институт культуры (д. 18, ул. Газеты «Звезда», 614000 Пермь, Россия).

Юлия Сергеевна Колчанова – кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии и философии, <https://orcid.org/0009-0002-1892-0190>, jukolchanova@gmail.com, Пермский государственный институт культуры (д. 18, ул. Газеты «Звезда», 614000 г. Пермь, Россия).

Information about the authors

Oleg L. Leibovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Cultural Studies and Philosophy, <https://orcid.org/0000-0001-5191-939X>, oleg.leibov@gmail.com, Perm State Institute of Culture (18, ul. Gazety "Zvezda", Perm, 614000, Russia).

Yuliya S. Kolchanova – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Cultural Studies and Philosophy, <https://orcid.org/0009-0002-1892-0190>, jukolchanova@gmail.com, Perm State Institute of Culture (18, ul. Gazety "Zvezda", Perm, 614000, Russia).

Заявленный вклад авторов: Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Author Contributions Statement: All authors made an equivalent contribution to the preparation of this publication. The authors declare no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 28.03.2023; одобрена после рецензирования 02.05.2023; принята к публикации 15.05.2023.

The article was submitted 28.03.2023; approved after reviewing 02.05.2023; accepted for publication 15.05.2023.